Historia magistra vitae

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

Специальное приложение к «НГ» №1, февраль 1998 г.

ПОЧЕМУ ОН ВСЕ-ТАКИ ПИСАЛ? стр. 10
ПЕРВЫЙ РАССКАЗ И ПОСЛЕДНИЙ РОМАН стр. 11
МАРИЯ И СЛЕДОВАТЕЛИ стр. 12
ЭФФЕКТ ЭКСПЕРТИЗЫ стр. 13
ДОПРОС ДУВАКИНА стр. 14
КОМУ В ЭМИГРАЦИИ ЖИТЬ ХОРОШО? стр. 15
ЕГОР ГРАН – СЫН АБРАМА ТЕРЦА стр. 16

ХРОНОЛОГИЯ

1925. 8 октября у Доната Евгеньевича и Евдокии Ивановны Синявских родился сын, которого назвали Андреем. Его сестре Вевии 7 лет.

1931. Пишет свой первый рассказ – про карликов.

1932. Поступает в среднюю общеобразовательную школу № 110 в Москве.

1943. Получает аттестат зрелости в Сызрани, куда семья эвакуировалась в начале войны. Призывается в Красную Армию. Служит радиомехаником на аэродроме.

1945. Поступает на заочное отделение филологического факультета МГУ.

1946. Демобилизуется из рядов Красной Армии и переходит на дневное отделение.

1947. На третий курс филфака МГУ поступает Элен Пельтье, дочь адмирала, военно-морского атташе Франции в СССР. Заметив, что студент Синявский подружился с Элен, КГБ настаивает на том, чтобы он следил за ней, предложил француженке руку и сердце и добился бы, чтобы она приняла советское подданство. Вместо того Синявский обо всем рассказывает Элен. После оглашения приговора Синявскому и Даниэлю в феврале 1966 г. Пельтье заявила агентству Франс Пресс: «Они мои друзья. Понятно, что я от них не отрекусь».

1947/48. Занимается в спецсеминаре по Маяковскому у доцента Виктора Дмитриевича Дувакина. («С гордостью до сих пор говорю по поводу моих филологических запросов: «Я ученик Дувакина!». 1983). За выступление на суде в защиту Синявского В. Дувакин был от преподавания отстранен.

1949. Заканчивает университет и поступает в аспирантуру.

1950. Первые публикации: *Об эстетике Маяковского* (Вестник МГУ. Серия «Общественные науки». 1950, № 1) и *Основные принципы эстетики В.В. Маяковского* (Знамя. 1950, № 2).

Декабрь. Арест отца. Он получает по ст. 58-10 УК-26 («Пропаганда или агитация...») 5 лет ссылки. Реабилитирован в 1956-м.

1952. Заканчивает аспирантуру и защищает кандидатскую диссертацию «Роман М.Горького «Жизнь Клима Самгина» и история русской общественной мысли конца XIX – начала XX века». Принят научным сотрудником Отдела советской литературы в Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ).

1955. Январь. Знакомство и начало романа с Марией Розановой-Кругликовой; а через нее – знакомство и дружба с прозаиком и переводчиком Юлием Даниэлем (1925–1988).

Сентябрь. Умирает Евдокия Ивановна Синявская. Бестужевка, в советское время работавшая библиотекарем. «... мама, умирая, спросила: «Ты не забыл поесть творожок?» («Спокойной ночи», 1983).

1956. Лето. Первый бросок на Запад – Элен Пельтье вывозит из СССР рукопись повести «Суд идет» (1956).

1958. *Что такое социалистический реализм?* Трактат опубликован в Париже в 1959 г. анонимно. В 1961 г. В. Набоков, прочитав его, отмечает проникновение в суть предмета и блестящее изложение, добавляя, что сам он то же самое на протяжении 20 лет рассказывал своим студентам.

А.М. Горький; Эдуард Багрицкий – главы в трехтомной академической «Истории русской советской литературы» (т.1). *О художественной структуре романа «Жизнь Клима Самгина»* – глава в коллективной монографии «Творчество М. Горького и вопросы социалистического реализма».

1959. Регистрация брака с Марией Розановой-Кругликовой.

Суд идет выходит в Париже под псевдонимом Абрам Терц. Цитата из Пролога: «Стука я не расслышал. Двое в штатском стояли на пороге. Скромные и задумчивые, они были похожи друг на друга, как близнецы. Один осмотрел мои карманы <...> Второй тем временем заносил в протокол все детали и даже носки вывсрачивал наизнанку. Мне было стыдно, как на медицинском осмотре. «Вы меня арестуете?» Двое в штатском застенчиво потупились и не отвечали. Я не чувствовал за собою вины, но понимал, что сверху виднее, и покорно ждал своей участи».

1960. 2 июня на похоронах Бориса Пастернака в Переделкине Синявский и Даниэль выносят из дома крышку гроба. К фотографии, запечатлевшей этот момент, в 1966 г. придумали подпись: «Синявский и Даниэль несут свою скамью подсудимых».

15 июня умирает Донат Евгеньевич Синявский.

Горький-сатирик – глава в коллективной монографии «О художественном мастерстве Горького».

Пикассо – книга, написанная в соавторстве с искусствоведом Игорем Наумовичем Голомштоком (р. 1929). За отказ назвать имена тех, у кого он брал книги Терца Голомшток получил 6 месяцев исправительных работ без лишения свободы по ст. 182 УК-60 «Отказ или уклонения свидетеля...». С 1972 г. проживает в Англии.

1961. Январь. Вступает в Союз писателей СССР.

Фантастические повести выходят в Париже под псевдонимом Абрам Терц. Содержание: «Суд идет», «Гололедица», «Ты и я», «Квартиранты», «В цирке».

1963. *Любимов* (1962–1963) выходит в Париже под псевдонимом Абрам Терц. Цитата из финала повести: «Вот-вот снова в городе начнутся аресты. Я сижу и трясусь, что обыщут и обнаружат под половицей эту рукопись, и тогда уж по ней нас всех до одного выловят. Слушай, профессор! Ты же мой соавтор. <...> Есть же у тебя укромное место. Тайничок какой-нибудь. Приюти до срока. Разве это не твое добро?»

1964. *Поэзия первых лет революции. 1917–1920* – книга, написанная в соавторстве с Андреем Николаевичем Меньшутиным (1923–1981). После суда 1966 г. он был уволен из ИМЛИ.

23 декабря. Рождение сына Егора.

1965. В Большой серии «Библиотеки поэта» выходят «Стихотворения и поэмы» Бориса Пастернака со вступительной статьей Синявского *Поэзия Пастернака* (подписано в печать 25 мая 1965 г.). И синий том, и статья стали громким литературным событием. «Я видел Пастернака по-настоящему одни раз и провел с ним, задавая вопросы, разговаривая несколько часов, показавшиеся мне одним полным днем. В самом конце 57-го года Борис Леонидович пригласил меня к себе в Переделкино. Поводом послужила моя статья о поэзии Пастернака, предназначавшаяся вначале для трехтомной «Истории советской литературы...» – рассказывает Синявский (Синтаксис, 1980, №6).

ХРОНОЛОГИЯ

ТЕАТР АБСУРДА, ИЛИ ПРОФИЛЬФАС

«Сижу я в камере, все в той же камере...»

Мария Розанова

8 СЕНТЯБРЯ 1965 года за публикацию за границей литературных произведений был арестован научный сотрудник Института мировой литературы, член Союза писателей, преподаватель Школы-студии МХАТа, один из критиков «Нового мира» – Андрей Донатович Синявский. Сорок лет, женат, сыну восемь месяцев.

Дальше – следствие, суд, почти шесть лет лагеря, потом два года дома, но без работы, Франция, Сорбонна, смерть.

Это канва, по которой можно вышивать разные узоры, и ближе всех сегодня, когда приоткрылись архивы КГБ, лежит самый простой сюжет: гнусное КГБ и наши славные страдальцы – дело Синявского–Даниэля.

Вот только не перекормили ли мы нашими страданиями человечество? Естественно, что мне, жене Синявского и соучастнику его приключений, интересен и важен каждый поворот следственных словопрений: я отлавливаю разные тонкости в документах и догадываюсь о чем-то, чего не знала раньше.

Но двадцати-, тридцати- и даже сорокалетнему читателю – такое ли ему дело до наших былых горестей, подвигов и ошибок, чтобы? Тем более что о репрессиях уже написано много и утомительно... И я с тоской перебирала драгоценные для меня протоколы этого дела, пока не высветилось над ними простенькое название: ТЕАТР АБСУРДА.

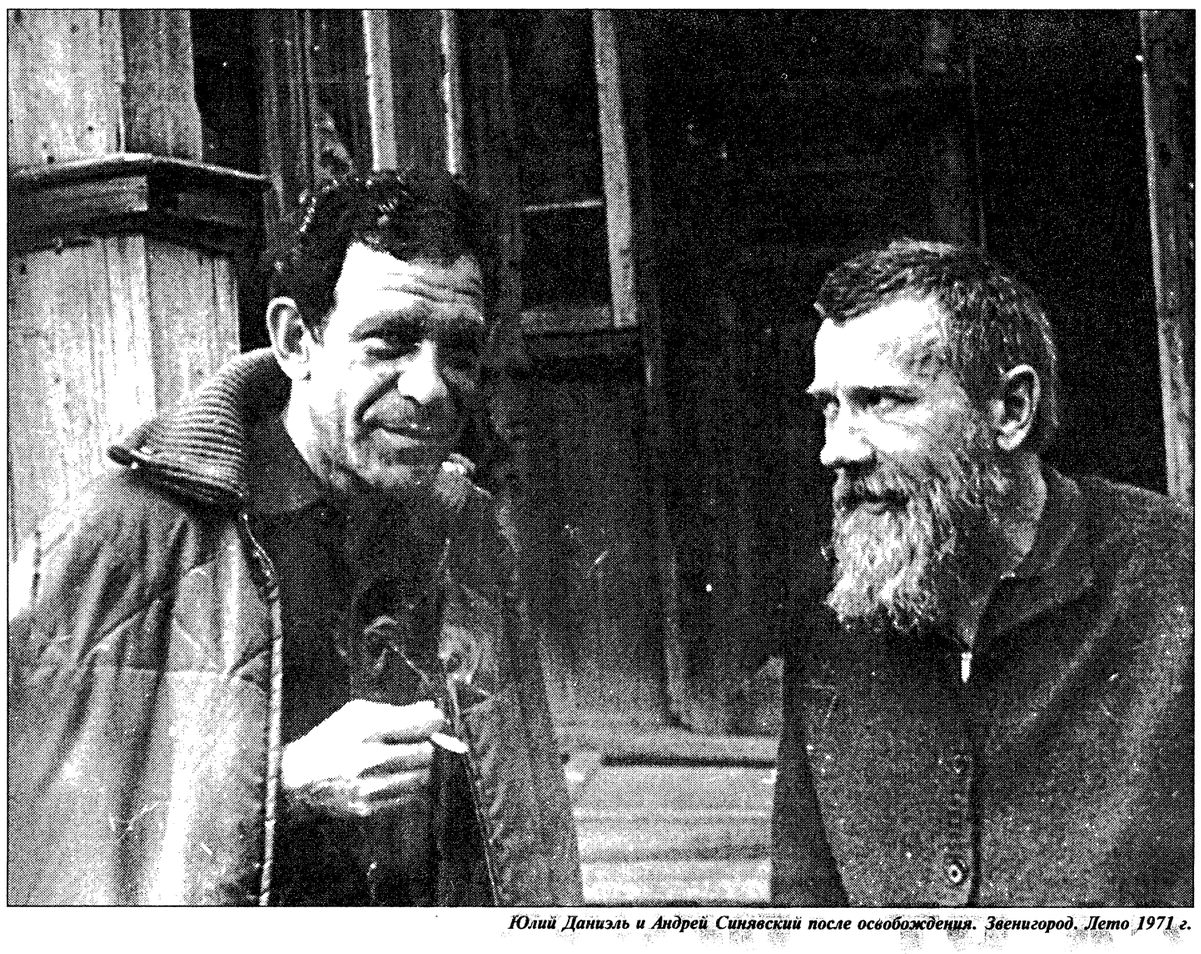
В самом деле, – сегодня это выглядит полным абсурдом – вопросы следователя, а потом прокурора обвиняемому и свидетелям: «Кому вы давали книги Набокова? У кого вы читали, кто вам давал повесть Синявского «Любимов»? А Чехова вы вспомнили только для того, чтобы издевательски сказать Че-че-че-хов? Почему вы избрали псевдоним «Абрам Терц»? Вы передавали за границу свои произведения написанными от руки или отпечатанными на машинке?»

Не меньшим абсурдом были ответы свидетелей. Как свидетелей-героев: «Книгу не брал, произведение не читал, слово «Терц» никогда не слышал, ничего не знаю». Так и свидетелей дрожащих: « Я знал, я осуждал, я предупреждал, а они (она) давали читать...»

А сквозь бессмыслицу этого процесса про литературу вдруг полыхнет почти шекспировской страстью – ненавистью некоторых даниэлевских друзей к нам (тоже мне Отеллы!).

Из допроса Гарбузенко Якова Лазаревича, члена КПСС, завуча школы рабочей молодежи № 157: «Должен сказать, что с 1960 года у Даниэля появились новые приятели, в числе которых был Синявский, с которым Даниэль был наиболее близок. По-видимому, он с ними встречался чаще, чем со старыми друзьями. Я видел Синявского у Даниэля несколько раз в гостях, и у меня почему-то возникло к нему чувство человеческой брезгливости, поэтому мое знакомство с Синявским я считаю чисто шапочным. Объяснить мое неприязненное отношение к Синявскому мне трудно, скорее всего, он не вызывал у меня симпатии из-за своего внешнего вида: неряшливости, неопрятности, нелепой бороды».

Ну, нелепая борода – это еще полбеды. Гораздо дальше в своих рассуждениях пошел А.Е. Эссель, член КПСС, заместитель директора по научной части Свердловского института вирусных инфекций. Из протокола допроса: «Встречаясь с Даниэлем ряд лет, по его действиям, по его способу работы, по его психологической складке я считаю Даниэля слабовольным человеком и, не имея каких-то специальных доказательств, полагаю, что для того, чтобы он совершил преступление, в котором обвиняется, должен был находиться около него активный, волевой инспиратор».



Юлий Даниэль и Андрей Синявский после освобождения. Звенигород. Лето 1971 г.

Но абсолютно шекспировская по драматизму судьба настигла старинного, еще школьного синявского друга Андрея Ремизова. В основе его поступков во время следствия тоже лежала ненависть, но уже ко мне. Ненависть такая, что любое мое слово воспринималось им только в штыки, и стоило мне сказать, что ни в коем случае Ремизов когда его вызовут, не должен признаваться, что он тоже печатался за границей под псевдонимом «И. Иванов», как он почти автоматически сделал наоборот, тем самым став единственным свидетелем, объявившим о наличии у Синявского антисоветских помыслов. «Я занимался литературой», – говорил Синявский. «Мы боролись», – говорил Ремизов. За что и была ему засчитана явка с повинной... Но драматизм ситуации в том, что в самодоносе Ремизова было еще и известное благородство, ведь он в действительности был *третьим*, и ему действительно было страшно неловко, неуютно, совестно, что двоих посадили, а он – с тем же составом преступления – на свободе. Он считал почти что своим долгом сесть рядом, тем более что уже не выдерживали нервы: а вдруг найдут? И такой афронт! Те сидят, те почти что национальные герои, а этот? Жизнь Ремизова была сломана.

Мне уже потом, в лагере, Синявский говорил, что КГБ могло их уничтожить легко и просто: без всякого ареста, пригласив на Лубянку, предъявив доказательства и завершив беседу тихо и ласково: а теперь ступайте домой и не грешите больше. Слава Богу, не додумались, сытые тигры. Посадили!

Следствие по делу Синявского–Даниэля шло около пяти месяцев. Изучая сейчас в архиве ФСБ (КГБ, по-нашему) это дело, не перестаешь удивляться, какие силы были здесь задействованы, сколько полковников, подполковников и генералов вступали друг с другом в переписку, и даже целая воинская часть поставляла следствию материалы радиоперехвата. А секретари ЦК? А чины из Союза писателей? А просто писатели и писательницы? И почти с умилением обнаружила я на одной из бумажек робкую надпись: «Товарищу Брежневу Л.И. доложено»...

Можно долго вспоминать, кто как вел себя в эти дни; как пришел, например, узнавши о происшествии, Высоцкий, который когда-то учился у Синявского в Школе-студии МХАТа, снял со стены гитару и запел: «Говорят, арестован лучший парень за три слова...». И в эти же дни Виленкин, преподаватель той же Школы-студии, завидев меня, перебежал на другую сторону улицы. Я спросила у Синявского на лагерном свидании: а кому ты заулыбался и кивнул со скамьи подсудимых, и Синявский ответил, что это с ним из конца зала поздоровался поэт Николай Панченко, а вот Твардовский, который сидел в первом ряду, так ни разу глазами не встретился...

Но это дело тянет за собой еще несколько сюжетов: отцы и дети, например; или писательство как тяжелая наследственная болезнь; наконец, писатель как враг, не советской власти, нет, а враг вообще, и отсюда – Синявский как вечный подсудимый.

Сюжет «отцы и дети» – это про революцию, про левых и правых, про то, как у крайне правого статского советника, такого правого, что даже Гучков был для него слишком левым и в своем негодовании Евгений Михайлович Синявский называет «Гучковым» мелкую собачку, и та крутится промеж ног, вызывая недовольные окрики: «Гучков, замолчи! Гучков, на место!» – так вот, у советника родился сын. И в полном отчаянии Евгений Михайлович ставит типографию в собственном доме (а это был самый большой дом в городе Сызрани, в советские времена – городской театр), чтобы печатать книги для единственного дитятки и уберечь его тем самым от революционной заразы. Догадываетесь, чем дело кончилось? Донат Евгеньевич Синявский стал эсером, за что и был первый раз арестован в 1913 году, второй – в 1924-м, а третий – в 1950-м.

Начальник петербургской охранки сообщал начальнику Санкт-Петербургского Губернского жандармского управления о результатах обыска на квартире студента Горного института Доната Синявского, когда был обнаружен «дневник Синявского, в котором он, между прочим, описывает происшедшую перемену его политического мировоззрения в бытность его учеником шестого класса Сызранского реального училища, когда он из правого стал «леваком», а с приездом в Петербург и поступлением в Горный Институт сделался «социалистом».

А еще Донат Синявский писал. Стихи, пьесы, повести и романы. В 20-е годы его несколько раз напечатали. А писал он почти до смерти. И все переписывался с редакциями...

Семейные фотографии. Профиль – фас, профильфас. Не хочешь, а запоешь.

Сижу я в камере, все в той же камере,
В которой, может быть, сидел мой дед,
И жду этапа я, этапа дальнего,
Как ждал отец его в семнадцать лет...

Тем более, что с 47-го года знал Андрей Синявский, что сидеть он будет обязательно. Недаром в песенке дувакинского семинара, которую пели на мотив «Гоп со смыком», говорилось:

У Андрюши есть один пробел:
Он еще по тюрьмам не сидел!
Знаем – сядет, не иначе,
Ведь характер что-то значит,
Понесем Андрюше передачу!

Знал он про свою тюрьму потому, что в знаменитый на филологическом факультете МГУ семинар Виктора Дмитриевича Дувакина («Надень, товарищ, свитер! Глаза, товарищ, вытращь! Потому что Виктор был Виктор Дмитрич!..») в тот год пришла учиться француженка, от чего мужской состав семинара пришел в некоторое волнение – еще бы! А семинар-то был по Маяковскому, и стихи там читали все. Один другого лучше. Какая француженка выдержит?..

В результате вездесущая Лубянка сделала попытку Синявского завербовать и приспособить его к охоте на Элен Пельтье (так звали нашу героиню), потому что была она дочерью французского военно-морского атташе адмирала Пельтье (эта детективная история описана в автобиографическом романе Абрама Терца «Спокойной ночи»), а Синявский, вместо того чтобы работать на чекистов, все рассказал Элен. На юридическом языке того времени он совершил измену родине, выдав иностранке государственную тайну.

Француженка была спасена, несостоявшийся роман перешел в многолетнюю дружбу, и именно тогда, в сталинские еще времена, было придумано, что если когда-нибудь ОН напишет об этом произведение, ОНА его напечатает. Где? Естественно – за границей, где же еще можно о таком говорить? А на губах на всю жизнь остался терпкий вкус преступности.

Но напишет он все-таки РОМАН, а не разоблачительную антисоветскую статью, потому что о чем еще, если не о belles-lettres, может мечтать человек, с детства погруженный в мир графомании, этой тяжелой, опасной и зачастую наследственной болезни, которая начиналась для шестилетнего Андрюши рассказом о «карлеках велеченой с палец» (сохраняем орфографию дошкольного оригинала) и проходила на фоне бесконечной нищеты этого семейства, где основной кормилицей была маменька-библиотекарь (представляете зарплату?), а одержимый писательским бесом папенька то и дело бросал работу ради погружения в чернильницу...

Когда Донат Синявского в декабре 1950 года арестовали, Лубянка наложила арест на имущество (а вдруг приговор с конфискацией?). Очень трогательна опись семейных сокровищ, подшитая к делу:

1. Стол письменный под дуб – 1
2. Полки для книг сосновые – 2
3. Кровать железная с пружинным матрацем – 1
4. Радиоприемник «Рекорд» № 67109 – 1
5. Чемодан фанерный – 1

(Окончание на стр. 10)

Евдокия и Донат Синявские. 1915 г.

«ХРАНИТЬ ВЕЧНО»

Двойственное обаяние документа

СЕГОДНЯ мы приступаем к выпуску специальных, а потому и нерегулярных приложений к «НГ», озаглавленных нами тем бюрократическим штампом, который приобрел в темные годы советского периода российской истории зловещий смысл – «Хранить вечно». (Кстати говоря, вообще-то такого грифа, используемого постоянно, не было.) Этому бюрократическому штампу мы хотим вернуть настоящий и истинный, благородный его смысл – то, что достойно вечного хранения не для сокрытия, а для выявления общественных, культурных, исторических ценностей. Приложение «Хранить вечно» будет выходить нерегулярно – как правило, к отдельным историческим датам. И строиться оно будет в основном на материалах частных и государственных архивов.

Первый номер нашего нового приложения посвящен одному человеку – Андрею Донатовичу Синявскому. 25 февраля исполняется год со дня его смерти. И нами движет естественное стремление к историко-литературной справедливости, к прояснению и уточнению различных – крупных и мелких – обстоятельств его необычной биографии.

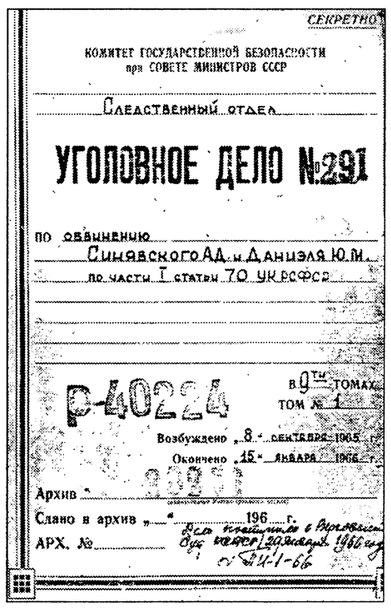
Все, что случалось с ним лично, в связи с ним и вокруг него, уже соединилось в определенную мифологию. В ней, как и во всякой мифологии, истинное мешается с вымышленным, апокриф прорастает действительностью. Тем ценнее всевозможные факты и свидетельства, и, разумеется, те, которые обнаруживаются при ознакомлении с девятью томами «Уголовного дела № 291 по обвинению А.Д. и Даниэля Ю.М.», возбужденного 8 сентября 1965 года.

Документы – вещь невероятно интересная. И наверное, по-настоящему оценить их обаяние можно только находясь на определенной – временной и общественно-политической – дистанции. Тогда документы начинают играть, мерцать, переливаться красками и мелодиями, то есть являют свою эстетическую сущность. Вот, допустим, протокол обыска Синявского при аресте – это же изумительно лаконичный и экспрессивный портрет! С трогательными, симпатичными подробностями, с неожиданно серьезными интеллектуальными обертонами... От протокола допроса Виктора Дувакина веет надежностью и достоинством – его ответы следователю укрепляют душу читателя. По-своему замечательны и так называемые внутренние рецензии на произведения Абрама Терца, писавшиеся членами Союза писателей по заказу Комитета государственной безопасности, – внимательный глаз увидит здесь, как протекают боренья человека «с самим собой, с самим собой...». (Подумайте об этом, прежде чем осуждать кого-либо!) Да и лапидарный язык, присущий установочным секретным документам для внутреннего пользования власть имущих, содержит в себе немалый художественный потенциал.

Нет, не зря Достоевский так ценил всякий «факт действительной жизни» и говорил: «если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира». Публикуемые здесь материалы, вне сомнения, являются именно такими фактами действительной жизни. Однако читая и перечитывая их, следует помнить о двойственной, ускользающей природе практически всякого документа. С одной стороны, он освобождает нас от иллюзий (если таковые еще имеются); с другой – вполне может способствовать возникновению новых иллюзий. Порою документ лишь утверждает в давно составившемся мнении, порою – заставляет колебаться или менять точку зрения на противоположную... В зависимости от времени, места и обстоятельств.

Словом, документ как таковой предоставляет своим читателям множество увлекательных, даже авантюрных возможностей. И грех не воспользоваться ими! Для чего из архива ФСБ добывали материалы Мария Розанова и Григорий Файман.

«НГ»



СЕКРЕТНО

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Следственный отдел

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО №291

по обвинению
Синявского А.Д. и Даниэля Ю.М.
по части I статьи 70 УК РСФСР

Р-40224

в 9-ти томах
том № 1

Возбуждено „8" сентября 1965 г.
Окончено „15" января 1966 г.

Архив
Слано в архив „ " 196 г.
АРХ. №

Уголовное дело Синявского и Даниэля.

СИТУАЦИИ

ХРОНОЛОГИЯ

1965. 8 сентября Синявского арестовывают у Никитских ворот, когда он едет читать лекцию в Школу-студию МХАТ. **12 сентября** арестовывают Даниэля.

5 декабря в Москве возле памятника Пушкину проходит демонстрация под лозунгами «Уважайте Конституцию (Основной закон) Союза ССР», «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!».

10 декабря. «Я сообщил следственным органам, что я делал и как я делал. И, откровенно говоря, мне непонятно, почему за моими признаниями не последовало ареста. Непонятно потому, что я делал то же, что и А. Д. Синявский. А он в тюрьме <...>. Я не собираюсь отрекаться от того, что мною было опубликовано за границей», – пишет следственному отделу КГБ третий участник событий – Андрей Александрович Ремизов (1926– 1994), проходивший по делу как свидетель.

1966. Январь. Публикация статей «Перевертыши» Дмитрия Еремина («Известия» от 13.01.66) и «Наследники Смердякова» Зои Кедриной («ЛГ» от 22.01.66) вызывает волну протеста. В редакции этих газет пишут математик Юрий Левин, искусствовед Юрий Герчук, члены Союза писателей Владимир Корнилов, Лидия Чуковская, Ирина Роднянская, Лев Копелев и другие.

10–14 февраля – судебный процесс. Своей вины подсудимые не признают. Синявский получает 7 лет, Даниэль – 5 лет заключения в ИТК строгого режима по ст. 70 УК-60.

17 февраля. Исключение из Союза писателей СССР.

Письмо 62 писателей с просьбой разрешить взять осужденных на поруки.

24 февраля Светлана Иосифовна Аллилуева (р. 1926) на партийном бюро ИМЛИ говорит: «Событие с Синявским все восприняли трагически. Он нам наплевал в лицо. (...) Это удивительно, чтобы человек был столь отвратительным двурушником. Я тоже не читала его произведений, но знаю со слов тех, кто читал». (А меж тем она-то была в Синявского влюблена!).

Мысли врасплох выходят в Нью-Йорке. Вот одна из них: «Все-таки главное в русском человеке – что нечего терять. Отсюда и бескорыстие русской интеллигенции (окромя книжной полки). И прямота народа: спьяна, за Россию, грудь настежь! Стреляйте, гады! (...) И легкость в мыслях, в суждениях. Дым коромыслом. Ничего не накопили, ничему не научились. Кто смеет осудить? Когда осужденные».

1967. Во Франкфурте-на-Майне выходит Белая книга по делу А. Синявского и Ю.Даниэля», составленная Александром Гинзбургом. Одновременно Юрий Галансков включает в альманах «феникс-66» трактат *Что такое социалистический реализм?* Гинзбург получает 5 лет, Галансков – 7.

1970.12 сентября освобождается из лагеря Даниэль.

1971. 8 июня освобожден досрочно Синявский без признания вины – помилован Президиумом Верховного совета РСФСР.

1973. *Голос из хора* выходит в Лондоне. Книга составлена из писем к жене из Дубровлага и посвящена ей. В 1975 г. *Голос из хора* получает французскую премию «За лучшую иностранную книгу». На вручении присутствует ученик Синявского по Школе-студии МХАТ Владимир Высоцкий с Мариной Влади.

Синявский получает должность профессора русской литературы университета Сорбонны (в 1994-м выходит на пенсию).

1974. *Литературный процесс в России* – статья опубликована в №1 «Континента» (Париж). В СССР перепечатана в 1990 г. («Даугава», № 5). Слова про эмиграцию «Россия – мать, Россия – сука! Ты еще ответишь за это вскормленное тобою и выброшенное с позором на помойку дитя» (парафраз знаменитого высказывания Блока) на протяжении 20 лет служат для обвинения Синявского в русофобии и т.п.

1975. *В тени Гоголя* и *Прогулки с Пушкиным* выходят в Лондоне. Отрывки из *Прогулок* печатает в 1989 г. ж. «Октябрь» (№ 4), в результате чего Пленум писателей РСФСР (1989) принимает решение снять с должности главного редактора Анатолия Андреевича Ананьева (р. 1925), однако Верховный совет РСФСР не позволяет это сделать. Полностью *Прогулки* публикует ж. «Вопросы литературы» (1990, №7–9), помещая в № 10 материалы обсуждения. Гнев противников книги вызывает главным образом фраза: «На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох».

1978. В Париже выходит первый номер ж. «Синтаксис» под редакцией М. Розановой и А. Синявского. В нем – статьи Ю. Даниэля и А. Синявского «В защиту Александра Гинзбурга»

1980. *Крошка Цахес* выходит в Париже.

1982. *Опавшие листья* В.В. Розанова выходят в Париже.

1984. *Спокойной ночи* (1983) выходит в Париже.

1985. *Солженицын как устроитель нового единомыслия* (Синтаксис. 1985, № 14).

1988. 30 декабря в Москве умирает Юрий Даниэль. В память о нем Синявский пишет: «Сколько раз наша дружба подвергалась проверке, изобретательным испытаниям: и в нелегальном писательстве, когда мы с ним, сговорившись, тайно переправляли на Запад рукописные тексты, и на допросах в КГБ, и на скамье подсудимых, и в лагере, и в эмиграции. В трудную минуту он первым бросался на помощь. Щедрость и смелость были в его натуре. Как часто он меня выручал!..» (Синтаксис, 1988, №24).

1989. *Основы современной цивилизации* выходят в Париже.

1991. *Иван-дурак. Очерк русской народной веры* выходит в Париже.

Октябрь. Постановлением Верховного суда РФ полностью реабилитирован.

1993. 12–13 января в «НГ» опубликована статья Марии Розановой «Абрам да Марья» – о том, какую роль сыграл Владимир Буковский в фальсификации документов «О досрочном освобождении Синявского и об обстоятельствах его выезда за рубеж».

1993. 16 октября в «НГ» опубликована статья Владимира Максимова, Андрея Синявского и Петра Егидеса *Под сень надежную закона...*, в которой осуждается расстрел Белого дома.

1996. Декабрь. Заканчивает роман «Кошкин дом».

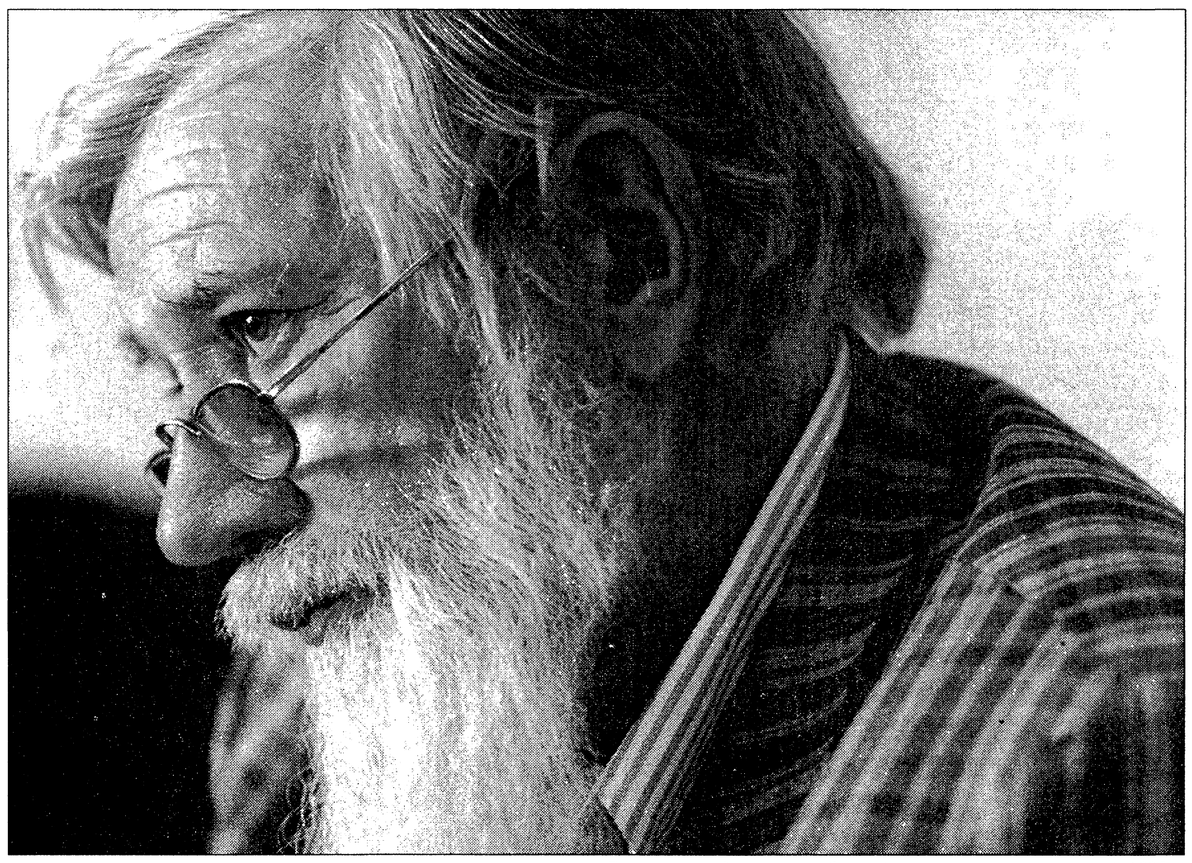
1997. 25 февраля Андрей Синявский умирает в пригороде Парижа Фонтэне-о-Роз.

ХРОНОЛОГИЯ

Андрей Синявский

ПОЧЕМУ МЫ ВСЕ-ТАКИ ПИШЕМ?

Искусство бьется о неокончательность речи



Литературовед, писатель, бывший политический заключенный. 1995 г.
Фото Михаила Лемхина

ОЧЕВИДНО, писатели пишут по бесчисленным причинам и поводам, но помимо того и сверх того они пишут в силу инстинкта, иной раз безотчетного, потребности или способности, заложенных изначально в саму природу искусства, побуждающих предаваться этому праздному занятию. Писатель мог бы о себе в принципе сказать: «Я пишу. Следовательно, я существую». По этому поводу хорошо заметил Эжен Ионеско в позднем своем дневнике (звучит, правда, немного бессмысленно): «Я пишу, пишу, ведь я писатель? А что еще делать писателю? Он пишет, писатель пишет. Он родился, чтобы писать. В этом его предназначение. Писателю приятно писать, отчего бы писателю не писать? Никто не мешает писателю писать».

Причем способность к писательству или страсть к сочинительству сопровождается двумя противоположными сигналами эмоционального порядка, иной раз взаимосвязанными, – пониманием безусловной внутренней правоты и в то же самое время неправоты написанного. Беру лишь крайние, полярные точки писательского самосознания, минуя промежуточные ступени и звенья... Чувство глубокого творческого удовлетворения, исполненного долга и счастья, какое достается писателю, перебивается ощущением нависающей опасности, преступности, греховности, недозволенности этого нелегкого дела. А во внешнем плане – литературной известности, почету, славе, общественному влиянию, каким пользуется писатель, сопутствуют всевозможные препятствия и запреты, вплоть до гибели иногда предназначенного автора. Создается впечатление, что писать вообще возбраняется, что писательство – это крайне предосудительное занятие. И именно потому оно так искусительно...

Поскольку я оптимист, то начну с неприятностей внутреннего свойства, которые предполагает само звание писателя. Проглядывая биографии самых разных авторов, в том числе преуспевающих, невольно приходишь к выводу, что над ними тяготеет проклятие, и оттого у них появляется подчас ощущение неизбывной вины, греха, неблагополучия, непоправимой ошибки, сопряженных с собственной, такой завидной, судьбой. Всякий человек, разумеется, по-своему бывает несчастным. Но у писательской братии, помимо, так сказать, общечеловеческих потерь и страданий, это принимает характер какого-то помешательства, мании, навязчивых страхов, проистекающих из литературной профессии. Как если бы писательский дар совпадал непременно с чувством своей ущербности, неполноценности, обездоленности и предварял негласно, в порядке компенсации, лишение жизненных благ.

Александр Блок в пору поэтической зрелости и беспримерного успеха горько жалуется в стихах пятнадцатилетней девочке на печальный жребий, предусмотренный его ремеслом:

Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка...
И поэтому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
больше, чем рифмованные
и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Получается, что простой человек много достойнее человека, наделенного дарованием, которое заведомо превращается в угрозу нормальному бытию, и поэт становится выродком, дегенератом, монстром среди обыкновенных людей.

Рассмотрев проблемы искусства «при свете совести», Марина Цветаева категорически настаивает, что быть человеком важнее и нужнее, нежели быть поэтом (как будто поэт не вполне уже человек). «За исключением дармоедов, во всех их разновидностях – все важнее нас». «И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, – напоследок добавляет Цветаева, – утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста».

В итоге подобного рода логических противоречий, неувязок, несообразностей закрадывается подозрение, что с писательством вообще дело обстоит неладно. Оно и хуже, страшнее, отвратительнее, постыднее, чем любые другие виды человеческой жизнедеятельности (чуть ли не что-то вроде позорной неопасной болезни), и оно же для больного слаще всего на свете. Недаром общество и государство по религиозным, нравственным и политическим мотивам ставят по временам писателей под неусыпный надзор, вменяя в обязанность законом или уставом, **как** и о **чем** им подобает писать. Да ведь и сам писатель иногда понимает, что ради общего блага лучше его запретить либо уничтожить.

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

Так предупреждал Пастернак о несовместимости искусства и жизни при социалистическом строе, передоверяя «высшую страсть» партии и правительству (за что ему порядком досталось от пристрастных властей, ибо в доме повешенного не следует поминать о веревке). Но стоит принять и представить заявление Пастернака буквально, и от него только шаг до аргументации халифа Омара, которому приписывают чудовищное злодеяние – сожжение знаменитой Александрийской библиотеки. Это было предпринято, говорят, на строго рациональной основе: «Если в этих книгах написано то же самое, что в Коране, то зачем они нужны, когда есть Коран? Если же в этих книгах написано не то, что в Коране, они тем более не нужны».

Не станем пускаться в дебри тоталитарной идеи. Возьмем наиболее благоприятные для развития литературы условия. Применительно к России это канун революции 17-го года – почти полная свобода слова и творчества. Пиши – не хочу. Тут-то и обнаруживается, что писатель опять недоволен. Писатель, выясняется, сам себя боится, обожает и ненавидит одновременно, и сама психология творчества предрасполагает к алогизму: писать необходимо, потому что писать нельзя. Отсюда у писателей самого разного профиля нередко возникает иллюзия полной исчерпанности либо завершенности литературного процесса, иллюзия, что он, персонально он, последний на земле писатель, после которого другим авторам делать нечего. Между тем это говорит не о конце литературы, но о новых ее возможностях и поворотах.

Наиболее откровенно высказывался на эту тему Василий Розанов, религиозный философ и писатель, признаваясь в сокрушении сердца: «...У меня мелькает странное чувство, что я последний писатель, с которым литература вообще прекратится... Люди станут просто жить, считая смешным и ненужным, и отвратительным литераторствовать. От этого, может быть, у меня и сознание какого-то «последнего несчастья», сливающегося в моем чувстве с «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично последней трагедией: ибо в нем как-то диалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячелетнее «я» литературы.

– Фу, гад! Исчезни и пропади!

Это частое мое чувство. И как тяжело с ним жить».

Вглядываясь в литературного «гада», здесь великолепно описанного, с омерзением вдруг замечаешь, что он похож на вампира. Да, на того вампира, что, пожрав человека («простого человека») в писателе и всю его окружающую, обозримую среду и действительность, их собою подменил. Как это присуще вампирам, автор вынужден вести не вполне нормальный, *призрачный Образ жизни*, и эта призрачность порою его тяготит. Скажем, он отнимает запах у живого цветка: ведь слова не пахнут...

Но продолжим покаянные речи Розанова: «Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое».

Это не потому, что Розанов что-то не то или не так написал. Нет, он все написал правдиво и честно, с его точки зрения. Речь идет о литературе как таковой. Писатель живет воображаемой жизнью, и все его благие порывы и волшебные проекты остаются на словах, на бумаге, независимо от того, пишет он правду или выдумывает, фантазирует, пишет он о себе или о других. Художественные образы, наполненные собственной и чужой кровью, для него краше и достовернее реальности. Они летают по ночам. Они оказывают влияние спустя много лет после смерти автора. Фигурально выражаясь, они пьют кровь уже иных поколений, иных эпох и всякий раз омолаживаются. Случается, своими жгучими поцелуями-укусами они заражают других, и те в свой черед обращаются в писателей. Как предрекал Пушкин:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Возможно, искусство глубинными корнями уходит в магию и смутно грезит о той блаженной поре, когда силою слова сотворялось чудо. А чудо и магия держатся на допущении, что все при случае способно сделаться всем. Они строятся на метаморфозе, на превращении вещей и существ – на великом, божественном единстве мира. Осколок метаморфозы – метафора. С помощью метафор мы лишь на словах, лишь в иносказательном смысле, сталкивая понятия, превращаем человека в животное, девушку в дерево, богатыря в камень, воду в вино и Бога в человека. Оттого что все это удается на самом деле лишь в старых сказках, мы злимся. Мы мечтаем переделать мир, но ощущаем себя уязвленными. Так чувствует себя колдун с отнятой у него магической силой. Обманутым, обойденным, несчастным существом. Ничего не попишешь. По счастью, нам не дано совершать чудеса.

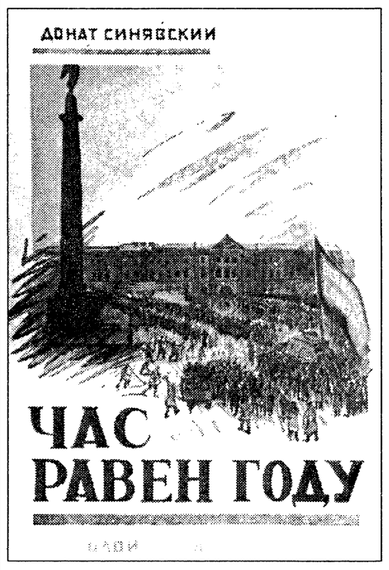
Но мы помним, помним Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Это вам уже не метафора какая-нибудь. Основание Бытия.

И еще одно. Самое главное: Воскресение из мертвых. Обещано! Когда-то, давным давно, на заре человечества, сам Господь обещал, что мертвые воскреснут.

Ползком, одолевая ужасы, скажу: а может быть, когда-нибудь так и будет, и об этом, единственно об этом, твердит вся мировая словесность. Искусство всегда надежда. Не об этом ли бормотал Пастернак в романе «Доктор Живаго»? «...Искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает».

Вот мы, наконец, и оказались в Апокалипсисе. Как рыба об лед, искусство бьется о неокончательность речи. Мы пишем лишь потому, что самое лучше, самое прекрасное еще не написано.

Лейпциг. 1995 г.



Донат Синявский тоже писал книги.

ТЕАТР АБСУРДА, ИЛИ ПРОФИЛЬФАС

(Окончание. Начало на стр.1)

6. Бинокль заграничный – 1
7. Пластинки патефонные заграничные – 5
8. Костюм мужской коричневый шерстяной – 1
9. Брюки шерстяные в полоску – 1
10. Сорочки мужские разные – 2
11. Книги и брошюры иностранные – 15
12. Книги и брошюры на русском яз. разные – 110.

Вот и все. Пластинки от Элен. Патефона не было. Следующий лист дела – рапорт о просмотре и изъятии 60 папок рассказов, романов и статей Д.Е. Синявского – всего 2500 листов...

Но самое интересное в деле сталинского времени – это протоколы допросов обвиняемого, за которым никакой конкретной вины нет, поэтому он должен сформулировать ее сам. Приведу только вопросы следователя, так как ответы были сплошной отрицаловкой.

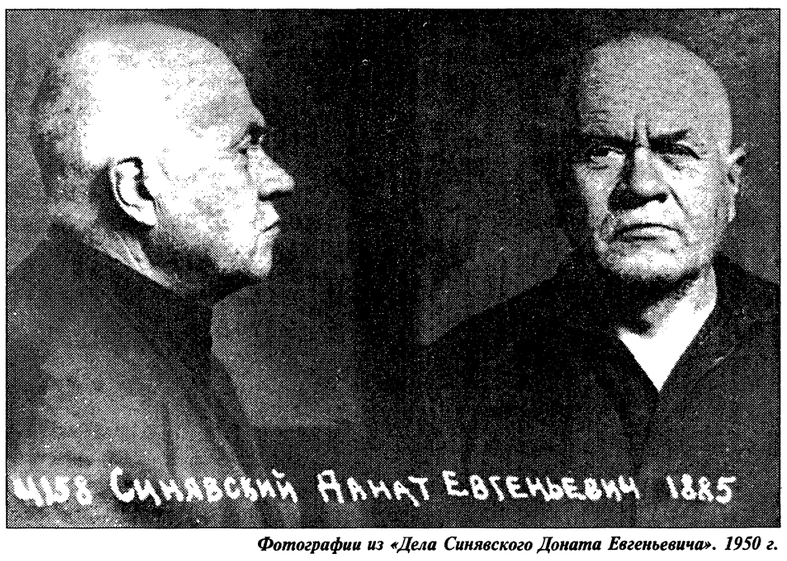
Вопрос: Кроме участия в левоэсеровской организации, вы также были связаны с иностранной разведкой. Следствие требует от вас правдивых показаний по этому вопросу.

Вопрос: Неправда, следствие вторично настаивает, чтобы рассказали о своей связи с иностранной разведкой.

Вопрос: К этому мы еще вернемся. Теперь покажите о своей антисоветской деятельности, которую вы проводили в последний период.

Вопрос: Неправда. На последующих допросах вам придется подробно рассказать о вашей вражеской деятельности, которую вы проводили против партии и советского правительства.

Вопрос: Какую вражескую деятельность вы проводили после установления Советской власти в России?



Фотографии из «Дела Синявского Доната Евгеньевича». 1950 г.

Вопрос: Вы неискренни. Ваша активная эсеровская деятельность сводилась не только к борьбе с белочехами...

Вопрос: Это не так. Следствие настаивает, чтобы вы показывали правду и не скрывали свою деятельность последнего периода времени. Предлагаем рассказать правду.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствие предлагает вам дать откровенные показания о вашей антисоветской деятельности.

Вопрос: Следствие настоятельно требует дать правдивые показания о вашей антисоветской деятельности...

Абсурд...

Все исполнилось. Андрей Синявский стал Абрамом Терцем. Летом 56-го года его первая повесть с помощью Элен уехала. Вышла она через три года, в 59-м. «Почему так долго?» – спрашивали мы Элен Замойскую, в девичестве Пельтье. – «Издатель хотел сначала пропустить «Доктора Живаго», – отвечала нам прекрасная дама. Дальше все шло просто и быстро. А мы начали готовится к аресту.

Нас очень часто спрашивают, а как поймали Абрама Терца? Кто заложил? С грустью отвечаю: «Совсем не те, про кого мы обычно думаем. Мы так привыкли жить в мире стойких мифов, что, кроме КГБ, других опасностей и не подозреваем, и не желаем знать, что все разведки мира – это в какой-то мере сообщающиеся сосуды, и какое дело, например, ЦРУ до благополучия двух московских охламонов? Продаст и не почешется, если сочтет, что для процветания Соединенных Штатов это полезно.

Короче говоря – **они**, о чем есть даже полупризнание...

Итак, арест, следствие, суд, лагерь, возвращение. На дачном крылечке сидел шестилетний с чем-то Егор и писал роман. Первую фразу: «Тогда я жил в Лондоне...». Недавно его роман вышел в Париже. Не тот. Другой. Но тоже под псевдонимом...

А дальше – Париж, Сорбонна, профессура. Но что русскому мужику это западное уважение, если в новых калошах хочется пройтись по своей деревне! Очень скоро выяснилось, что русский мир на Западе – это вовсе не славные осколки Серебряного века, а эмигрантский плен, туреччина, со своими князьями, со своим Парижским обкомом, со своим Вермонтским ЦК.

В последнем слове на суде Синявский говорил. «Вот у меня в неопубликованном рассказе «Пхенц» есть фраза, которую я считаю автобиографической: «Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться... Так вот – я другой». Но если в метрополии ему быть «другим» с грехом пополам разрешалось (ну, дал советский суд семь лет или прислала Лариса Богораз в лагерь писульку, что Даниэль есть и будет борцом с Советской властью, а Синявский – нет), то в эмиграции, где ходили только в ногу, он мгновенно превратился во врага народа, которого уничтожают, если он не сдается. За что? За слово. За текст. За Абрама. За Терца. И приговор был окончателен: «Смерть Синявскому!» – как провозгласил однажды чуткий ко мнению руководства Александр Глезер.

Я спросила как-то: «Скажи, Синявский, когда тебе было легче – первые годы в лагере или первые годы в Париже?» И он ответил, что, при всех бытовых тяготах, душе его в лагере было намного вольготнее.

Москва–Париж

История – учительница жизни

ХРАНИТЬ ВЕЧНО
АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

Специальное приложение к «Независимой газете»
Выходит два раза в месяц
Над номером работали:
Виктория Шохина, Юрий Белов, Григорий Файман
Корректура:
Нина Гайдукова, Елизавета Гусева
Компьютерная верстка:
Марина Спирина, Константин Федулов, Татьяна Матвеева, Дарима Туратбекова, Наталья Зиняков, Маргарита Богачева
Иллюстрации:
Илья Сергеев
Телефон редакции
928-81-88
©«Независимая газета»

ИЗ-ПОД ПЕРА

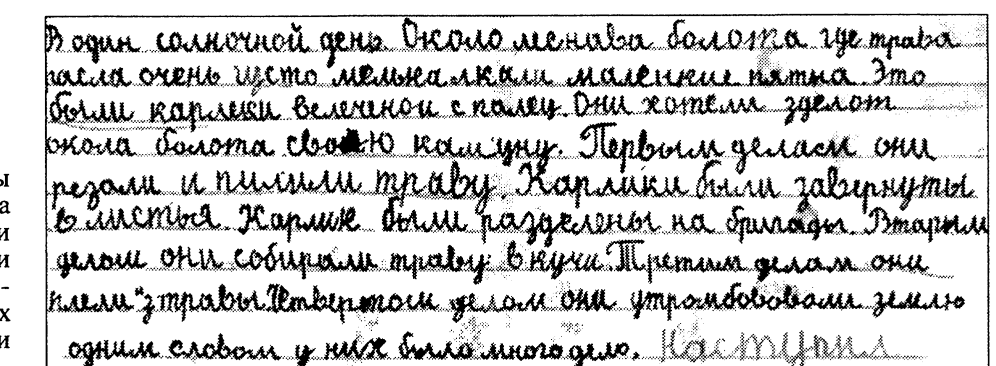
О КАРЛИКАХ НА БОЛОТЕ

Первый (неоконченный) рассказ

Андрюша Синявский

В ОДИН солнечный день около лесного болота, где трава росла очень густо, мелькали маленькие пятна. Это были карлики величиной с палец. Они хотели сделать около болота свою коммуну. Первым делом они резали и пилили траву. Карлики были завернуты в листья. Карлики были разделены на бригады. Вторым делом они собирали траву в кучи. Третьим делом они плели из травы. Четвертым делом они утрамбовывали землю — одним словом, у них было много дел. Наступил вечер. А они только 5 метров сделали...

1931 г.


В один солнечной день. Около менава болота где трава
расла очень цусто мелькалкали маленкие пятна. Это
были карлеки величеной с палец. Они хотели зделот
окола болота своею камуну. Первым деласи они
резали и пилили траву. Карлики были завернуты
в листья. Карлик были разделены на бригады. Втарим
делом они собирали траву в кучи. Третим делам они
плели "з травы. Четвертом делом они утрамбововали землю
одним словом у них было много дело. Наступил
вечр. А они только 5 метров зделали

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Опыт самоанализа

Андрей Синявский

ГОВОРЯТ, всего вернее танцевать от знакомой печки. Сбился с ноги, потерял такт — возвращайся назад, к печке, и, оттолкнувшись от надежной опоры, начинай сначала. В движении мысли, в судьбе человека, в биографии поколений тоже имеются свои печки, свои точки отсчета. Не от разности ли этих отправных пунктов зависит роковое непонимание между детьми и отцами?

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

В нашем современном сознании роль печки – притом у людей разных взглядов, возраста и положения – чаще других выполняет 37-й год. Многие из нас, положа руку на сердце, могли бы сказать о себе, что родились и прожили жизнь под его немеркнущим знаком, подобно тому, как наши отцы или деды вели отсчет от 17-го, 14-го и т.д. И хотя иные из нас сформировались раньше, иные же в это время едва появились на свет, 1937 год для нынешнего состояния нам следует принять за некую первооснову, за самый верный, самый прочный исторический ориентир. Тогда «все началось». Оттуда мы происходим. Оттуда учимся думать. Туда устремляемся тоскующей памятью, как в родительский дом. Перед этой твердокаменной датой останавливается рассудок и, оттолкнувшись, пробует сызнова сделать неуверенные шаги.

Фактическую сторону 37-го года и сопровождающих лет, составивших в русской истории целую эпоху, можно сейчас не затрагивать: события прошлого всем врезались в сердце непосредственно пережитыми или усвоенными от очевидцев подробностями. Другое дело — его загадочный психологический облик, его таинственное влияние на нашу дальнейшую жизнь и то родственное влечение, которое мы испытываем к этому мертвецу, что ни ночь кричащему нам из могилы: «Душно мне! Душно!» Почему мы захвачены им и при малейшем воспоминании погружаемся в прострацию, впадаем в экстаз, отчего без устали спорим и думаем о нем, за что любим, да, любим тридцать седьмой год?

Его власть над нами не сводится к размерам произведенных опустошений, к обилию пролитой крови (лилась и раньше). Не вполне определяют ее и тяжкие приступы страха, до сих пор сотрясающие наши неокрепшие души. Главную загадку и тайну, сообщившую этому времени особую притягательность, нужно искать в атмосфере темного колдовства, ворвавшегося внезапно в исторический распорядок и перевернувшего вверх дном его привычную логику. Подобную метаморфозу описал Гоголь:

«...Вдруг закричали, перепугавшись, игравшие на земле дети, а вслед за ними попятился народ, и все показывали со страхом пальцами на стоявшего посреди их казака. Кто он таков, никто не знал. Но уже он протанцевал на славу казачка и уже успел насмешить обступившую его толпу. Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо казака переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копье, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб и стал казак – старик.

«Это он! Это он!» – кричали в толпе, тесно прижимаясь друг к другу. «Колдун показался снова!» – кричали матери, хватая за руки детей своих... «Беда будет!» – говорили старые, качая головами. И везде, по всему широкому подворью есаула, стали собираться в кучки и слушать истории про чудного колдуна. Но все почти горорили разно и наверно никто не мог рассказать про него».

У нас в середине 30-х годов тоже было что-то вроде большого праздника. К этому сроку мы успели покончить в крестьянстве с «последним эксплуататорским классом» и не испытывали по данному поводу особого волнения. Уже занималась пора построенного в основном социализма и было известно, что «жить стало лучше, жить стало веселей». На радостях мы тоже выставили повсюду иконы: портреты стахановцев и челюскинцев, «самую демократическую в мире Конституцию, авиацию, которая уже тогда начинала летать дальше всех, выше всех, быстрее всех». И вот, словно не вынеся присутствия этих святынь, классовый враг вновь показал зубы. На сей раз он действовал скрытно в наших рядах, неуловимый, как оборотень, принимая черты начальника, соседа по квартире, друга, близкого родственника. Знакомые лица вождей подергивались странной гримасой. То у одного, то у другого выбегал изо рта клык. Главного колдуна чаще всего тогда называли Иудой Троцким. «Но все почти говорили разно и наверно никто не мог рассказать про него».

Из светлой и конструктивной казармы, какой нам рисовалась действительность, мы попали в мир Иеронима Босха. Изображения этих чудовищ, печатавшиеся в газетах под видом карикатур, были точны, как факты, подтвержденные следствием. Они и сейчас способны служить документальным свидетельством тех массовых галлюцинаций, имевших все основания сойти за правду. Казалось, полчища бесов, рассеянные Октябрем, уничтоженные гражданской войной, добитые коллективизацией, вселились теперь в партийцев, хозяйственников, писателей, наркомов и командармов, в наших жен и мужей, в отцов и братьев. Изгнанные из тела нации ловким ударом сталинского сапога, эти сонмы оборотней предстали наконец перед нами в своем истинном качестве.

«Вдруг... среди тишины с треском лопнула железная крышка гроба и поднялся мертвец. Зубы его страшно ударялись ряд о ряд, в судорогах задергались его губы и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек. Двери сорвались с петлей и несметная сила чудовищ влетела в Божью Церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышел из головы последний остаток хмеля. Он только крестился, да читал как попало молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов».

Как, вероятно, помнит читатель, философ Хома Брут, очертивший себя магическим кругом, был недоступен бесам, покуда они не привели опытного эксперта – Вия, у которого веки растут до самой земли.

«Подымите мне веки: не вижу!» — сказал подземным голосом Вий, и все сонмище кинулось поднимать ему веки. «Не гляди!» — шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул.

«Вот он!» – закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха».

Взглянуть в глаза Вию тридцать седьмого года было равносильно признанию: «Я – враг народа». И в том и в другом случае контакт, обмен взглядами с нечистой силой позволяли ей мгновенно переступить очерченный круг и вытеснить твое «я», которое исчезало, едва лишь к нему прикасались мерзкие лапы дьявола. «Я» превращалось в «него», в беса, вызывавшего отвращение с одновременным чувством готовности в любую минуту сделаться «им» и пополнить армию повсюду возникавших чудовищ. Страх, таким образом, заключался не столько в опасениях за собственную жизнь, сколько в боязни утратить свою душу. Известно, что арестованные иной раз просили у следователя, чтобы их немедленно расстреляли, уверяя при всем том, что никакие они не шпионы. Им было невыносимо сознавать себя в этом качестве, а другого (они понимали это) для них не существовало.

Не приходится удивляться беспримерному единодушию, с каким клеймило общество «гнусных изменников». Тут не было лицемерия. Нормальная реакция здорового человека и состояла в этих попытках отделить себя, оградить, заговорить свое «я» от посягательств врага, превратиться в которого каждый из нас был потенциально способен и, ощущая эту возможность, еще сильнее открещивался. Такую же роль оградительного магического круга выполняли доносы, получившие тогда повсеместное распространение. Меньше всего в них было подлости и криводушия. Напротив, к доносительству наибольшую склонность испытывали натуры прямые, честные, с развитым чувством брезгливости. Доносы служили жестом торжественного размежевания с теми, кто пытался втереться в доверие и встать на твое место. В доносах нашло выход наше исконное правдоискательство. Донести означало очиститься и получить хотя бы некоторую психологическую гарантию, что я – не «он» и не желаю иметь с «ним» ничего общего. Понятно, что государство всячески поощряло этот акт нравственного утверждения личности. Мораль дореволюционного прошлого, осуждающая доносительство, оказывалась вреднейшей иллюзией, способной погубить душу праведника, сделать ее соучастницей ужасного преступления.<...>

Андрей Синявский. 1995 г.

Мы не хотели быть предателями – мы доносили. Мы создали сильнейшую в мире организацию соглядатаев. «Все мы должны быть бдительными на деле, – учила нас партия, – все мы должны быть разведчиками на своих фабриках, заводах и в учреждениях и помогать органам НКВД». Мы становились участниками величайшего детектива и в то же время видели, что история не поддается разумному объяснению, что в ней действуют силы магические, сверхъестественные. Вчерашние герои по взмаху волшебной палочки превращались в наемных убийц, вредителей, диверсантов. Наставники, обучившие нас большевистской бдительности, пару недель спустя оказывались на скамье подсудимых. Подсудимые обвиняли себя поспешнее, чем этого требовала от них юридическая процедура. Глазам своим не верю... Верю, верю, но не могу понять! – такое чувство владело подавляющим большинством современников. Так не следят за политикой. Так взирают на чудо, так удостоверяются в подлинности и силе чародейства. Тридцать седьмой год, парализуя волю и разум, обострял интуиции, изощрял фантазию, и мы должны быть и будем благодарны ему за этот урок иррационализма, преподанный на языке плоских газетных штампов.

ГОСУДАРСТВО УЧЕНЫХ

Колдовство, к которому мы оказались причастными, было тем сильнее, что носило поначалу рациональный характер и подготавливалось работой научных специалистов. Марксизм-ленинизм более, чем какая-либо иная философская система и политическая доктрина, претендовал на титул науки и с полным правом его присвоил. Доказательная аргументация, опора на факты, на эксперимент и анализ, пристрастие к трудным терминам, к цифрам, к расчетам, механистичная сухость стиля, педантизм и скука, которой веет от всех этих партийных резолюций, издавна отличали социал-демократическое движение и обеспечили ему необходимый авторитет в эпоху прогресса. Само название «социал-демократ» звучит как «приват-доцент» и предполагает почтение к деятельности ученых. Профессиональные социологи, экономисты, статистики, знатоки мировой политики, истории, хозяйства, высоколобые интеллектуалы, обладавшие вместе с тем огромным практическим опытом, сметкой, деловитостью, пришли к власти в России в семнадцатом году. Никогда еще задача государственного управления не решалась на таком уровне научной квалификации. По сравнению с партийной элитой, возглавившей в Октябре революцию, все прочие государственные умы и правительства кажутся собранием недорослей. Впервые верховная власть попала в руки ученых.

Идеальный тип ученого, вставшего у кормила нашей государственной жизни, нашел выражение в Ленине. Это гигантский разросшийся центральный мозг большевизма, определяющий направление, мощность, быстроту и полезный коэффициент наносимых ударов. В самом облике, в психофизической организации Ленина поражает гипертрофия рассудка. Когда Ленин умер и врачи сделали вскрытие, обнаружилась символика его жизни и смерти: «Колоссальный склероз мозговых сосудов и только склероз!»

Марксистская теория насквозь рациональна, но Ленин рационален вдвойне, втройне, как теоретик, ищущий утилитарного применения своим логическим выводам, и как администратор, озабоченный тем, чтобы все его действия имели серьезное научное обоснование. Учение Ленина – цепь рационализаторских предложений к марксизму, учитывающих изменение опытных данных и технических условий работы. Любая практическая задача – хозяйственная, военная, организационная – превращалась для него в предмет исследования. Вооруженное восстание он начинал с того, что со вниманием штудировал литературу вопроса.<...>

Научной добросовестностью, пристрастием к тщательным выкладкам и точнейшим подсчетам в немалой мере подогревался и ленинский полемический пыл. Большинство работ его, как известно, носило характер поправок, мелочных уточнений, придирчивой, въедливой критики, пресекающей всякого рода уклонения и заблуждения. Неопытному глазу трудно подчас различить, где проходила передняя линия фронта, разделявшая Ленина с каким-нибудь меньшевизмом гораздо острее, чем с правительством Николая. Далекие от этой полемики люди недоумевали, зачем понадобилось тратить столько энергии на внутриведомственную склоку по частным вопросам, тогда как в запасе имелся враг поважнее. Они не понимали, эти недальновидные люди, что дискуссия ведется учеными специалистами, для которых поле битвы служило конференц-залом, где решались сложные математические уравнения и научная дотошность являлась залогом успеха.

Поскольку речь шла о способах достижения всемирно-исторической цели, этот спор попахивал яростным дымком фанатизма. Сюда же примешивались тактические соображения, следуя которым предстояло сперва разделаться с ближайшими конкурентами, а затем, «достигнув единства», вступить в борьбу с отдаленным врагом, менее опасным, чем сомнительные союзники. Но помимо этого постоянные нападки Ленина на соседей по партии заключали в себе бескорыстное служение истине, требующей большой аккуратности в проведении эксперимента. Его забота о ясности и точности формулировок, о соблюдении «правильной линии», которая не допускает никаких кривотолков и нуждается в систематической опытной проверке, контроле, регулировке, в основе своей, в своих истоках уходят в научно-технический склад современного мышления и современной цивилизации. Он желал управлять историей как техническим агрегатом и прилагал к ней навыки, выработанные в индустрии. Сравнение работников партии с «винтиками и колесиками» звучало в его устах как высшая похвала. Ленин как человек и мыслитель испытывал влечение к нормировочным функциям машинного производства. Всесторонний учет и контроль, унификация, регламентация были у него в крови. В начале XX века, в то время как во всемирной истории все более определенный тон начали задавать ученые, конструкторы, инженеры, он был счетной машиной, которая пришла к власти и взялась осчастливить безумное человечество.

О ленинской аккуратности, точности, рассудительности рассказывают чудеса. Ленин никогда и никуда не опаздывал и всегда выговаривал опоздавшим. Заседания Совнаркома и Политбюро он открывал по хронометру, секунда в секунду. Даже выезжая на загородную прогулку, он заранее определял, в какой точно срок его должны доставить к намеченной поляне и бывал очень доволен, если конечные результаты совпадали с его подсчетами.

Когда как-то Ленину предложили для пробы воспользоваться фонографом, он четко и без запинки произнес речь, занявшую ровно три минуты. Такая подготовленность поразила присутствующих. Особенно удивлялся немецкий инженер, проводивший запись.

...Оказывается, несмотря на крайнюю занятость, он выбрал время предварительно подготовиться к записям — он прорепетировал несколько раз свое выступление дома. Обратившись к помощи хронометра, Ильич заранее вычислил среднее количество слов, произносимых им в минуту.

...Позже Владимир Ильич признался руководителю центра печати: «Очень люблю статистику, и у меня осталась привычка к совершенно точным вычислениям».

Наш первый Нарком иностранных дел Г.В.Чичерин так определял ленинский стиль руководства: «Прежде всего Владимир Ильич отличался абсолютной точностью во всякой своей работе и настаивал на такой же абсолютной точности со стороны всякого работавшего вместе с ним. Всякое утверждение должно быть точно обосновано, и всякое обоснование должно было быть точно изложено... Систематичность, строгую обдуманность, рациональность он считал необходимым проводить и в личной жизни. Он настаивал, чтобы те, кто с ним работал, своевременно отдыхали, принимали нужные меры для сохранения своего здоровья, чтобы их жизнь была урегулирована, рациональна и обдумана, без господства случайностей и распущенности, небрежности. Все должно быть строго целесообразно, эта целесообразность должна господствовать над настроениями и над инстинктом — вот чему учились у него те, кто с ним работал».

Есть что-то зловещее в этой пунктуальности Ленина, так же, как в отсутствии нерентабельных страстей и наклонностей у него, человека науки, человека разума, человека дела, всегда и во всем поступавшего строго целесообразно. Самые, казалось бы, привлекательные качества — скромность, непритязательность в быту, забота об окружающих людях, простота в общении с ними, врожденная доброжелательность приобретают пугающий безжизненный оттенок в соседстве с его логическим аппаратом. Безобидная штатская внешность этого статистика революции, высчитывающего количество слов, произносимых в минуту, в своей бухгалтерской ведомости разносящего человечество по неукоснительным рубрикам расходов и поступлений, способна внушить и внушает большую оторопь, чем потоки крови, льющиеся из-под его аккуратного карандаша.

Мы знаем, что «сам по себе» Ленин не был жестоким. Его не обуревали сатанинские замыслы и кровавые кошмары. Ни одной мании, кроме мании считать и действовать в согласии с разумом, логикой, наукой, изучающей «объективные законы исторического развития», не найдется в его характере, который во всем остальном донельзя спокоен, нормален, уравновешен. Но ленинская разумность не поддается постижению. Сам Сталин со своими действительными и легендарными страстями, пороками, садизмом и демонизмом по-человечески понятнее и уютнее, чем его несравнимо более мягкий и незлобивый предшественник. У Сталина по крайней мере есть аналогии, прототипы в истории и душевной жизни каждого из нас. Ну, в конце концов, бывало и раньше такое, что какой-нибудь деспот принимал как должное божеские почести. Любой человек в минуту одержимости способен сообразить себя Сталиным. А попробуйте-ка представить, что вы — Ленин. Никакого воображения не хватит. И не надо воображения. «Он как вы и я, совсем такой же», — писал о нем Маяковский, отказываясь фантазировать на столь близкую тему. Вот и представьте себе «как вы и я» человека, обыкновенного, милого с интеллигентной чеховской внешностью, который, однако, действует беспрецедентно в истории государственной власти: он казнит по науке и милует по науке. Нет, это свыше наших сил, вне нашего измерения. Он проходит мимо нас как лунатик, не улавливающий нашего живого присутствия, так же, как мы не улавливаем его нездешней природы и тщетно хотим понять, чего же от нас добивается этот большеголовый пришелец, такой простой на взгляд и такой недоступный.<...>

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОР

Когда-то метафоры были реальностью: «восход солнца», «дуновение ветра». Мы говорим сплошными метафорами, утеряв их буквальный смысл. Сама наука не избегла иносказаний («электрический ток», «расщепление атома»), тем более наука, имевшая дело с историей и начавшая ею командовать. Марксизм пронизан метафорической речью, и было бы странно, если б его словесность не попыталась сделаться явью. Она стала таковой, ожила, подобие древнего мифа в социалистическом государстве. Словом, вернулась первоначальная сила, конкретность, с той только разницей, что теперь это были сухие, колючие термины. Они затарахтели по земле, как мотоциклы «пролетариат», «буржуазия», «экспроприация экспроприаторов».

Когда Ленин устанавливал «генеральную линию», несогласные с нею лица и группы получили определения «лакеев империализма», прислужников капитала, мелкобуржуазных загибов, соглашательских элементов, предателей рабочего класса и т.д. Все партии и течения были классифицированы в его таблицах, похожих на системы Линнея и Менделеева. Выяснение классовой сущность того или иного события, деятеля, идеи было излюбленным занятием Ленина, не уставашего повторять, что его интересуют не субъективные намерения, психология людей, а их объективная роль и место в истории, где все учтено и расчислено в согласии с научными данными.

Но можно ли произносить слова расчленения без того, чтобы мир не раскололся на части и не выявил свою разорванную сущность в кровавой резне всех со всеми? Расщепление атома — расщепление общества, расщепление души человека, подверженной «мелкобуржуазным уклонам», влиянию «чуждой идеологии» — все это кончается взрывом революции, лава которой еще не вполне застыла в формы нового «бесклассового государства», мы привыкли, что «чуждый класс» подлежит изоляции, истреблению. Странное понятие «враг», который стреляет и который расстреливается, еще тлело в нашем сознании и отравляло воздух в стране, попавшей во «вражеское окружение». Вдобавок для русских слово не расходится с делом в такой мере, как это принято в изворотливой Европе. Слово для нас предметно, действенно. Наивная доверчивость дикаря, не забывшего силу заговора (даже Петр I не пере... устанавли... строгой казни за ворожбу), или память о том, что как ни крути, а вначале все-таки было слово, молодость нации, не утратившей вкус к образному веществу языка, или умственная отсталость народа, издавна склонного к формализму и готового за единственную букву лечь костьми, кто знает, на чем замешано это магическое отношение к слову, но мы помним старинный клич слово и дело» и мы боимся, мы не даем «свободу слова»: «слово не воробей, вылетит — не поймаешь...» И вот оно вылетело и упало на благодатную русскую почву, унавоженную суеверием, взрыхленную революцией, слово «предатели рабочего класса» размножилось, как микроб, и за отсутствием антагонистических классов в социалистическом государстве вошло в самую кровь народа. Предстояли кровопуски, неизбежные по природе общества, сотканного научным анализом традиции и жизни.<...>

1962

КОШКИН ДОМ

Пролог к последнему роману

Абрам Терц

ЧЕМ ДОЛЬШЕ живешь, тем быстрее бежит время. Сперва казалось — аберрация. Куда спешить старикам? Молодо-зелено, но старикам-то зачем торопиться? Все одно помрут. Большие дела откладываем на завтра, на старость лет, до лучших времен. Откладываем, в общем, до смерти. Потом замечаю за собой: не помираю. Время идет, а я все еще живу. Ничего не попишешь. Приходится.

Когда обо всем этом думаешь — естественно, рискуешь. Но без риска какой интерес? Сидеть и лить слезы? Иду ва-банк. Замечаю за собой, что слишком много читаю. К чему бы, думаю, мне столько книг перемалывать ежедневно, когда все одно кранты? Кому это выгодно? Все равно не усвоишь. Два раза на дню мою голову. Компьютер перегружен. Дает сбои. Пока маменька не придумала мне задание писать в трех экземплярах имена зверей, грамота давалась с трудом. А тут выпрыгнул: зверинец! Научился читать и писать. Почти рисую. Пишу «тигр», и тигр потягивается, шевелит усами. Вместо ничтожных букв настоящие звери бегут рысцой по разграфленным тетрадям к вечернему водопою. Доброе слово и кошке приятно. «Спать пора», — говорит мама, вернувшись с работы. Откладываешь на завтра, и они снятся всю ночь. И все такие пятнистые. Особенно леопард и жирафа. Стараюсь эти золотые слова писать особенно правильно. Не пишу — глажу льва или тигра, и те сияют, обрадованные.

Так я научился писать. А уж потом читать. Воссоздание на бумаге чудных звуков и знаков препинания рисовалось магией, колдовством, но было мне даровано свыше, сверхъестественным образом, вопреки законам природы. Почти как — чудо. Ангелы летают... Не надо прибедняться: мы все бродим рядом с чудом и только потому живем. Черной магией и чернокнижием отродясь не занимался. Все эти гадости мне приписали позднее идейные враги и соперники. Хотя, если покопаться в душе, случалось, подлезал на рассвете, засыпая, под одеяло, словно стремился сдвинуть напоследок свое астральное тело с мертвой точки под таким углом зрения, чтобы видеть под утро сны один другого прекраснее. Ждал, как прорежется третий глаз в сплетении ветвей.<...>

Ставлю непотребный вопрос: а есть ли у жизни конец и сколько можно подводить итоги? Пока никого нет, тут бы и нам сочинить что-нибудь занимательное. Недаром я читаю старые книги и не могу остановиться. Не в силах разрешить простейшую проблему: почему я так много читаю? То ли нелегкая нашла, то ли уже тронулся. Просто неприлично. Жена ругается по утрам: взял новую моду, «опять читаешь?» – с укором, а я за ночь пролистываю тысячи изданий. Словно столбняк напад, либо какой-то ступор, судороги, конвульсии, онейроидное расстройство или я не в состоянии вспомнить что-то очень значительное и ответственное в жизни, от чего зависит судьба не одного десятка созданий, доверившихся памяти, которую по непонятной причине у меня отшибло, к моему стыду и физическому ужасу.

Рукопожатие смерти. Ни с того ни с сего рука или нога выходят из строя, из повиновения, их почему-то скрючивает и начинает мелко трясти. Хватаешь здоровой рукой трясущуюся конечность, и все, — круг замкнулся, тебя всего уже бьет портативным электрическим дрипом, язык бездействует, не в силах расцепиться и прекратить надругательство, и некому сказать со злорадством, что попался, который кусался. Так ведь недолго себя придушить по ошибке. С переляку, с бухты-барахты. Доказывай потом, что без дурных намерений. Клешня сама норовит перекусить морщинистое петушиное горло, и, пытаясь ее удержать, ты хватаешь не пустой звук, а чью-то куриную руку. Опасность, как всегда, выскальзывает у нас из-под пальцев.

— Молчи! молчи! — говорю самому себе. — Курносая скоро вернется. Смерть не за горами! Смерть во все привносит свой саркастический смысл и поджимает обиженно губы, будто ее и не было.

Полная беспомощность. Откатываюсь назад на колесиках и мгновенно засыпаю. О чем писать, говорить, если я чуть что отключаюсь и не могу остановиться? Мне пора. Пальцы перекручены и не могут попасть в собственную прорезь. Пуговицы не слушаются. Все шиворот-навыворот. Завадили, бляди? Вечно не тот номер. То ли это был маршрут, по которому мне было велено если не послать телеграмму, то срочно лететь и билеты уже заказаны, либо с кем-то должен был непременно пересечься. В условленном месте, но с кем персонально, где — голова садовая — потерял из вида. Действительно, пока до Бога дойдешь, все ноги обломаешь. Однако не исключается, что речь идет о романе, да к тому же о романе, всем, кроме меня, хорошо известном, вроде «Робинзона Крузо» или «Острова сокровищ», от знакомства с которым зависит ваше личное счастье и взаимное процветание.<...>

Все кругом — и в школе и во дворе — сходили с ума и прыгали в восторге вокруг этих островов. Я один еще не читал по своей пролетарской отсталости. У-у-у! Как я им дико завидовал, буржуям!

Наконец маменька, служившая в городской библиотеке, принесла-таки с работы долгожданный роман, но запретила читать поздно вечером и оставила на утро завтрашнего громадного дня. Всю ночь вертелся и не сомкнул глаз в ожидании своего воскресенья. Пока не проснулись мама с Вивой. Значит, уже можно вставать. О Боже, скольких душевных мук нам стоит любая безделица! Другой бы на моем месте... Нет, глубоким стариком я не сержусь на мать с отцом. Они знали, что делали, отодвигая от меня любимую книгу как можно дальше.

Итак, я уселся с утра на низенькой детской скамеечке, выпиленной на уроках труда своими руками старшей сестрой моей Вивой и вошедшей в семейный состав домашней мебели-утвари, и погрузился в божественный мир путешествий и приключений. Запомнилась картинка, кинутая в аквариум (да, у нас, как у всех нормальных детей, был аквариум) в образе золотого шнурка, спасительной петли ловкому Робинзону, и мы с ним, по аксельбанту забравшись на покинутый бриг, нашли там уйму необходимых вещей и продуктов, позарез полезных каждому мореплавателю, засевшему, как в крепости, на необитаемом острове. Каждому путешественнику в конце пути необходим необитаемый остров.<...>

Суеверным страхом и пиитическим ужасом поразила меня также картинка, смысл которой лучше всего раскрывает таинственная подпись под ней: «Это была нога человека!» Советую посмотреть. Вообразите, Робинзон, как не знаю кто, истосковался по людям, но от первого же человеческого следа на прибрежном песке у него волосы дыбом и мураши по всей спинномозговой острове! Сколько воздуха в этой ничтожной сцене и какой огонь! А что поделаешь? Людоеды!

Лишь боюсь, не повинны ли тут старческие провалы ума вкупе с мнимыми воспоминаниями.<...>

Был у меня милый старик — тоже из разговорчивых, с выражением неизлечимой болезни на затаенном лице. Так он через каждые десять минут переспрашивал собеседника: «А вы когда эмигрировали?» Сперва смеялись, но потом всем без исключения делалось не по себе.

Главное — установить сеть в голове и этому направлению следовать.

А я выбрал вместо бредня японский калейдоскоп на отмели. Мало ли что в голове мешается? Это как живопись Кандинского с английской булавкой и с черт-те чем. Все течет и смешивается, все тонет, не успев до конца рассказать о себе. Какой уж тут реализм? Слава Богу, освободился и давай ширять дальше.

Я давно подозревал, что наша память ошибочна. Мы носим внутри не то, что происходит, а то, что нам так или иначе в данную минуту недостает или выгодно. Пройдет минута, другая, и мы начнем (очнись, рамолик) видеть и понимать по-иному. Что в такой неопределенной ситуации прикажете делать художнику? Ловить момент?

Мне уже доказывали, что я не сидел в тюрьме (самое драгоценное время моей жизни). Мало ли что про меня говорили. Говорили, что меня вообще не было. Понимаете — вообще. Вот что смешно! И что уж тут сетовать, что одни воспоминания обо мне или мои собственные накладываются друг на друга и в итоге выходит совершеннейшее не то.

А тут сбоку говорят о тебе, например, что ты колдун (потому что еще не умер), и всем скопом, толпою, идут убивать. Прилетишь завтра, и вот мое предисловие. Что же до пролога, то пусть говорит Камоенс: «Одна таинственность — все небо, и чудо дивное — весь мир!»

Все жутко интересно. Если бы не одна мелочь. Я не уверен в себе. Всегда был уверен. Даже до наглости доходило дело. А тут вдруг стал сомневаться. Дайте вспомнить, с чего это началось?

А началось с того, что один ненормальный стал писать мне письма с требованием, чтобы я перед ним покаялся. А заодно бы покаялся перед советской властью, которая меня покарала, не получив на это с моей стороны благожелательной санкции, и очень за то обижалась. Не знаю, за что он на меня озлился, кажется, за то, что не признал его Иисусом Христом. Лучше бы ты человека убил, лучше бы ты сына своего зарезал во младенчестве, предлагал он мне покаяться и рисовал картины моих загробных мучений. Форменный садист. Хорошо, когда сумасшедший. А если в здравом уме?

Кто говорит? Автор говорит. Телефон говорит. Идите к черту! Вам самим пора лечиться. Мало ли какие мысли приходят в голову. Эскиз, если хотите. Ну кошка и кошка. Я не виноват. Каиново отродье. Зрение без помощи глаз. Мы знаем из сновидений, что таковое возможно. Только бы не поехать. А то и не заметишь, как время пройдет.

Лиловый сумрак собора. Витражи. Головокружение. Шартр — я не скрываю. Предвечный сумрак. Молчание. Все видят, а я не вижу. Обидно. Праздник у нас во Франции, как сейчас помню. 14 июля, взятие Бастилии. По Ромену Роллану. В молодости читал. И вдруг как шарахнет. У Эйфелевой башни. То-то зрелище. Фейерверк с того света. Лица, омытые смертью, носят подобие нимба. Одним бамбуком питаются. Молиться не из-под палки, а по изъявлению сердца. Видно, здорово я им всем досадил.

На рассвете скрипит птенец — пить просит, и птицы ведут бесконечные разборки, не давая спать. Думаю с тоской о собственной роли в романе: ничего себе демиург! того и гляди в России снова пойдут стрелять, а ты отвечай... Как наладить промышленность? На месте президента я бы сам украл шмат сала и бутыль джина. В порядке компенсации. Нечего быть ротозеями. И все бы заулыбались: ядерная держава!

Дайте передохнуть. До остановки поезда осталась одна минута. Никто и не заметит. А вдруг наткнусь? Ночами идет нескончаемая перекличка.

Тропики, что ли? Не устаешь фиксировать. Небо едва поблескивает. Да и тамтамы не унимаются. То ли снова ловят просочившихся в лес пассажиров, то ли ночная проверка встречных потоков движения. Мертвые и живые различаются по интенсивности звука, не говоря уже о тональности. Мертвые, считается, звучат мелодичнее, а живые несколько глуше, но те и другие склонны к мистификациям. Говорят, живые и мертвые не должны пересекаться во избежание беспорядков, и контролеры устали опрашивать переселенцев.

Доносятся голоса с дальних дистанций. Может быть, с того света. Голоса приглушенные, мужские. Эхо по преимуществу женское (иногда в скобках).

Голос: Дай мне жизнь!

Я (неожиданно для себя самого): — Ты вернешься к жизни.

Второй голос: А куда пойдут другие? (другие?)

Я: На запад.

Третий голос: А другие? (а другие?)

Я: На восток.

Четвертый голос: А другие? (а другие?)

Я: В землю.

Пятый голос: А другие? (эхо испуганно, сбиваясь с ноги, торопится: а другие-другие?!.)

Я: Вниз. Еще глубже вниз. В море.

Шестой голос: А я? Я?!

Я: Ты пойдешь со мной...

Голоса смолкают, сцена проясняется, хотя я еще не нашел, куда мне послать шестой голос, и оставил вопрос открытым. Все же оставляя его за собой, я словно пообещал ему что-то хорошее в жизни. Тут распределять места и голоса в мироздании мне изрядно поднадоело, и я подумал, не просыпаясь, не наделить ли этого выскочку в знак внимания каким-нибудь редким свойством – бессмертием, например (конечно, весьма относительным), не превращая, однако, избранника ни в ангела, ни в демона, но оставив, как все мы, грешные, обыкновенным человеком. И вот этот недоделанный тип внезапно закопошился во тьме, и у нас состоялась предварительная беседа.

Я: Только попробуй. Пароль! Быстро — пароль!

Он: Атлантида. Отзыв?!

Я: Сатурн... Индекс?

Он: 215.

Я: 314.

Мы наскоро обнимаемся, и в ту же минуту я пробудился, бросив моего собеседника на произвол судьбы. Пускай сам уточняет, родились ли львята, куда ведет золотой шнурок и сотни других вопросов, повисших в утреннем воздухе...

Декабрь 1996

VERBATIM

ПО СЛЕДУ ТЕРЦА

В ЦК КПСС из Союза писателей

Направляем вам для сведения информацию о комментариях французской газеты «Монд» на выпущенный парижским издательством «Плон» сборник рассказов Абрама Терца, выдаваемых на Западе за образцы нелегальной советской литературы и известных своей антисоветской направленностью.

Секретарь правления Союза писателей СССР
(Э. Межелайтис)
12 октября 1963 г.
г. Москва

В СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Во французской буржуазной газете «Монд» 28 сентября 1963 г. опубликована статья молодого французского романиста Петра Равича «Происходит ли обновление советской литературы?», посвященная рассказам Абрама Терца, изданным французским издательском «Плон» в виде сборника под названием «Гололед».

Равич начинает с упоминания о лекции, прочитанной польским поэтом и знатоком русской литературы Александром Ватом в Оксфорде в колледже св. Антония, где была выдвинута идея, что «одним из основных аспектов сталинизма было создание новой семантической системы, изменившей полностью отношения между словами и объектами, которые эти слова обозначают повсюду вне СССР; эта система была навязана народу единственным хозяином всех слов и всех вещей». Приведя это высказывание А. Вата, автор статьи ставит вопрос о методах, с помощью которых советские писатели смогут избавиться от «сталинской семантики, чтобы вернуть словам их обычное звучание и восстановить «нормальный» язык».

«Странное творчество Абрама Терца, бредовое по своей образной системе, по самой своей ткани, творчество, в котором ясно видно влияние экспрессионизма и сюрреализма, подоспело как раз вовремя, чтобы поставить под сомнение слишком упрощенные прогнозы и доказать, что путь Солженицына, путь описательного реализма, ни в какой мере не является единственным», – пишет в своей статье Петр Равич. Далее он цитирует послесловие Терца к сборнику «Гололед», посвященное социалистическому реализму: «Возможно ли, чтобы мы ничему не научились, чтобы мы стремились только к возврату, к школе натурализма... Пусть чрезмерность образов Гофмана, Достоевского, Гойи, Шагала, Маяковского научит нас быть правдивыми с помощью абсурдных фантазий...»

«Это подтверждает, – продолжает Равич, – что Александр Ват был прав, отмечая интерес к Кафке и Камю, проявляемый советскими писателями, посещавшими западные страны: поразительно, что после тридцати лет социалистического реализма «они обращаются к виденью мира, наиболее далекому, отягощенному символами, ...чтобы охватить свою собственную действительность...»

Терц, таким образом, симптоматичен. Какова бы ни была эстетическая ценность его произведений (а она, на мой взгляд, бесспорна, за исключением, быть может, двух незначительных рассказов – «Ты и я» и «Цирк», в последнем из которых ощущается чрезмерное влияние Исаака Бабеля, прямое и плохо ассимилированное), его значение возрастает в силу исторического контекста, формирования и положения автора. Вышедшие из-под пера советского гражданина (которому, как кажется, около сорока лет), человека, вынужденного скрывать свое имя и «нелегально» переправлять рукописи во Францию – редакции польского эмигрантского журнала «Культура», эти рассказы являются свидетельством кардинальной эволюции, в которой уже вырисовывается будущее единство современного мира.

Содержание рассказов Терца Равич излагает следующим образом: «Прелестная молодая домашняя хозяйка, которая выведена из себя теснотой коммунальной квартиры, где живут несколько семей, превращается в крысу, посещающую каждую ночь общую кухню («Жильцы»). Инженер, являющийся жертвой страшного дара «всеобщего виденья», благодаря которому он живет в своих прошлых и будущих воплощениях, видит прошлые и будущие жизни своих близких («Гололед»). Волки, пожирающие куски луны, два агента, разрабатывающие проект идеоскопа – аппарата для угадывания мыслей и чувств всего населения («Заседание открыто»). Комическое совещание графоманов, и т.д.».

Равич высоко оценивает творчество Терца, считая, что он «преодолел примитивный манихеизм и дидактический реализм (именуемый социалистическим). Отказавшись от «позитивного героя», реабилитировав «бесполезного человека», Терц обогащает советскую литературу новым измерением. Не колеблясь, он ориентирует свое искусство на «первичные явления»: смерть, страдание, небытие, вечность, страх, плотскую любовь... Было бы, однако, упрощением считать этого писателя, зачарованного Великим Октябрем и признающегося, что «он не имеет решительно ничего против Советской власти», антикоммунистом. Его едкая ирония, сатира, его исполненный боли протест не касаются, по существу, ни той или иной стороны советского строя, ни тем более этого строя в целом. Они целят выше, они направлены, по-моему, против условий человеческого существования, против бытия как такового, против бытия, по отношению к которому любой строй не более чем один из вторичных аспектов».

В примечании редакция «Монд» указывает, что «произведения Абрама Терца впервые были изданы отдельной книгой в 1959 г. журналом «Культура» сначала на польском, а затем и на русском языке. С тех пор они переведены на 25 языков.

Тот же журнал объявил, что в ближайшее время будет опубликован новый роман Терца «Любимов», полученный редакцией из Москвы. Это будет девятое литературное произведение, полученное нелегально журналом из России за последние годы. Среди авторов этих произведений наряду с людьми, никогда не печатавшимися в СССР, как Абрам Терц, есть известные советские писатели.

Л. Зонина,
консультант по Франции
Иностранной комиссии СП СССР

АРЕСТ

Это было у Никитских ворот...

Это было у Никитских ворот, когда меня взяли. Я опаздывал на лекцию в школу-студию МХАТ и толокся на остановке, выслеживая, не идет ли троллейбус, как вдруг, за спиной, послышался вопросительный и будто знакомый возглас: «Андрей Донатович?!»

Словно кто-то сомневался, я это или не я,– в радостном нетерпении встречи. Обернувшись с услужливостью и никого, к удивлению, не видя и не найдя позади, кто бы так внятно и ласково звал меня по имени, я последовал развитию, вокруг себя, по спирали, на пятке, потерял равновесие и мягким, точным движением был препровожден в распахнутую легковую машину, ринувшуюся, как по команде, едва меня упихнули. Никто и не увидел на улице, что произошло. Два мордатых сатрапа, со зверским выражением, с двух сторон держали меня за руки. Оба были плотные, в возрасте, и черный мужской волос из-под рубашек-безрукавок стекал ручейками к фалангам пальцев, цепких как наручники, завиваясь у одного непотребной зарослью, козлиным руном вокруг плетеной металлической браслетки с часами, откуда, наверное, у меня и засело в сознании это сравнение с наручниками. Машина скользила неслышно – как стрела. Все-таки я не ждал, что это осуществится с такой баснословной скоростью. Но, переведя дыхание, счел необходимым осведомиться – чтобы те двое, чего доброго, не заподозрили мою безропотную преступность: «Что происходит? Я кажется, арестован? На каком основании? – произнес я неуверенно, деланным тоном, без должного негодования в голосе. – Предъявите ордер на арест...» У меня в свое время брали отца и был небольшой опыт, что в таких ситуациях, по закону, полагается ордер. «Нужно будет – тогда предъявят!» – буркнул справа, должно быть главный, не глядя».

Из романа «Спокойной ночи».

* * *

Центральный архив ФСБ РФ
Поступил в 21 ч. 25 м.

ПРОТОКОЛ

Личного обыска заключенного: Синявского
Андрея Донатовича, 1925 года рождения,
прибывшего в Следственный изолятор КГБ при СМ СССР
8 сентября 1965 г.
Обыск начат в 21 ч. 25 м.
Обыск закончен в 21 ч. 50 м.
При обыске осмотрены все личные вещи.
При обыске изъято:

1. Деньги сов. знаками 6 р. 25 к. (шесть руб. 25 коп.)
2. Часы наручные марки «Весна» на ходу № на механиз. 5346.
3. Кольцо белого металла с зеленым камнем = 1 шт.
4. Ключи разные = 8 шт.
5. Ремень брючный = 1 шт.
6. Кошелек пластмассовый = 1 шт.
7. Билет Гос. библиотеки им. В.И. Ленина на имя Синявского №Х-6912/28.
8. Карта назначений Мосгорздравотдела на имя Синявского А.Д.
9. Книга, том 6 собрания сочинений Александра Блока = 1 шт.
10. Книга «Два мира в древнерусской иконописи» 1916 года изд. = 1 шт.
11. Брошюра «Умозрение в красках» изд. 1916 года на 44 листах (не сброшюр.)
12. Брошюра «Избранный Блок» изд. 1929 года = 1 шт.
13. Записная книжка с адресами и телефонными номерами, начинается запись: «тел. В-1-76-25» и кончается – Левин Г-6-31-02 с 11 час утра, пятн. Свидан. 14 час. = 1 шт.
14. Машинописный текст, начало текста: «Я, Захарова Анна Филипповна» и т.д. и заканчивается: «Вот тебе и чистота русской речи и культуры! А. Захарова, 1.Х.64 г.» на 11 листах

Лист № 6 отсутствует. Всего = 10 листов.

15. Машинописный текст, начало текста: «В защиту пирамиды (Заметки о творчестве Евгения Евтушенко» и т.д. и заканчивается: «Да, ввысь и вглубь! Да, так, так и только так. А. Синявский», на 38 стр. Листы № 7 имеют № 7а и 7б, 33а. Всего = 41 лист.
16. Рукописный текст. Начало текста: «Николай Асеев, Совет ветров». Заканчивается: «На колене своем перегнем» = 2 листа.
17. Рукописный текст. Начало текста: «В. Кадишев. Причастность бесу больному, заканчивается – Исус» (т.е. через одно И). стр. 7 = 1 лист.
18. Рукописный текст. Начало текста: «История советской литературы» и т. д., и заканчивается: «На выбор стихи Луговского, Заболоцкого, Мартынова, Прокофьева, Евтушенко» = на 2 листах.
19. Рукописный текст. Начало текста: «В. Маяковский. Полное собр. соч.» и т.д. – заканчивается: «...в том содрогающем... в каком это сделал Гоголь». Стр. 305 = Всего = 3 листа.

Заявление и претензии по поводу обыска: Смотри продолж. на 2 листе.
изложить их сущность, а если нет – указать: «Не поступило».
Не поступили.
Изъятое при обыске в протокол внесено полностью, правильность записи подтверждаю (подпись заключенного) (подпись: А. Синявский)
Обыск производил старшина Овсянников Н.Я. (подпись: Овсянников)
(должность, фамилия, инициалы и подпись лица, производившего обыск)
При обыске присутствовали – понятые с-нт Киросиров В.А. (подпись)
(фамилии, инициалы и подписи понятых)
и зам ДПН – капитан Морозов (подпись: Морозов)
на деньги руб. 6 – 25 коп выписана квитанция № 0528
на часы и кольцо: № 0542
Казначей
следственного изолятора КГБ при СМ СССР (подпись)

Продолжение. Лист 2

20. Рукописный текст. Начало текста «Проф. В.В. Сиповский. Поэзия народа» и т.д. Заканчивается: «...неизбежно почувствует пропасть между мечтой и правдивой жизнью». 133 (СПА). Всего = 5 листов.
21. Рукописный текст. Начало текста: «Алексей Гастев. Индустриальный мир» и т.д. Заканчивается: «Пролет. культура». 1919, № 9–10». Всего = 2 листа.
22. Рукописный текст. Начало текста: «А. Безыменский. Октябрьские зори» и т.д. Заканчивается: «Коммунистический союз молодежи» = 1 лист.
23. Рукописные тексты и записки на 14 листах.
24. Выписки и цитаты из произведений на 5 листах.
25. Клочок бумаги с адресом Пинского Л.Е. и телефона = 1 л.
26. Клочок бумаги с отрывком машинописного текста и на обороте запись: «Илье Крупкину» и т.д. = 1 лист.
27. Пустой конверт с указанием адреса: Москва А – 414, Н.-Ховринское п/о, пос. Аксиньино, Пролетарская 10, Петрову для передачи Синявскому = 1 шт.
28. Конверт с письмом на имя Синявского = 1 шт.
29. Машинописный текст. Начало текста: «Конструктивизм – худож. стиль, эстетич. направление» и т.д. и заканчивается: «Paintings. Drawings, London, 1957. А. Синявский». Всего на 4-х листах.
30. Машинописный текст. Начало текста «Евангелие от Фомы» и т.д. и заканчивается: «Ибо из полноты сердца выносит он злое». Всего на 4-х листах.
31. Машинописный текст в стихах. Начало текста: «Вал. Гуринович. В издательстве «Молодая гвардия» и т.д. и заканчивается: «Голубые, синие, птицы перелетные. Май 1961 год». Всего = на 9 листах.
32. Рукописный текст: «Поэзия 10-х гг. М. Петрова» и ...т.д. и заканчивается: «...т.е. влияние политич. событий на деятелей литры». Всего 3 листа.

(Подпись: А. Синявский)

33. Машинописный текст: «Экзаменационные билеты по истории» и т.д. и заканчивается: «2. Конармия». Всего = 3 листа.
34. Рукописный текст: «Философские стихи» и т. д., заканчивается: «4) Хочется более резкого поворота всего тв-ва».
35. Клочок бумаги с машинописным текстом, начало «людей, оказавшихся под ярмом немецкой оккупации» и т. д., на обороте рукописный текст заканчивается словами: «и ост. доверенность» = на 1 листе.
37. Машинописный текст. Начинается словами «Постановл. 5 курс 9-й» и т.д. и заканчивается: «Коняева Е.А.» = 4 листа.
38. Пригласительный билет на вечер памяти А.М. Эфрон.
39. Различные записи на отдельных листах. Всего =
40. Письма в конвертах на имя Синявского А.Д. = 2
41. Письмо без конверта на имя Андрея Донатовича, В. Воломина от 7/VIII на 3 листах.
42. Письмо без конверта на имя Синявского от Горбачева.
43. Записка на имя Андрея Донатовича от Сергея Григорьева.
44. Почтовые открытки на имя Синявского А.Д. = 3 шт.
45. Пустой почтовый конверт на имя Синявского А.Д.
46. Квитанция № 751/1 о приеме почтового перевода Егорову.
47. Квитанция № 3238 о приеме почтового перевода Преснякову.
48. Квитанция № 175/2 о приеме заказного письма Соломину.
49. Квитанция № 662 о приеме заказной бандероли Окутюрье.
50. Квитанция № 78 о приеме заказного письма Замойской.
51. Квитанция № 79 о приеме заказного письма Замойской.
52. Квитанция № 661 о приеме заказного письма Замойской.
53. Кожаная тисненая обложка для книг = 1 шт.
54. Чистые почтовые конверты с марками = 2 шт.
55. Фотография Синявского А.Д. размером 3х4 см = 1 шт.
56. Саквояж кожаный коричневого цвета = 1 штука

В 1956–1960 годах Владимир Высоцкий учился в Школе-студии МХАТ. «Помнишь, у меня был такой педагог – Синявский Андрей Донатович? С бородкой, у него еще жена Маша... – писал он Игорю Кохановскому в декабре 1965-го. – Дело в том, что его арестовал КГБ. <...> При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще – с рассказами и так далее...» Вспоминает М. Розанова: «Была у нас домашняя любовь, домашняя наша страсть – это Высоцкий... Я купила магнитофон – чудовищный ящик «Днепр-5» исключительно ради Высоцкого... он пел у нас свои первые песни, рассказывал препотешные байки и вообще весь ранний Высоцкий записывался у нас, в нашем доме, и все это были оригинальные записи». Протокол обыска от 23 декабря 1965 г., среди прочего, сообщает: «Пленки на кассетах № 1, 4–9, 12 и 13 содержат записи песен и рассказов на воровском жаргоне с употреблением нецензурных выражений, а на пленке 6-й кассеты среди подобных песен записан пасквильный рассказ, порочащий имя В.И. Ленина и Н.К. Крупской». Стенограмма этого забавно-абсурдистского рассказика прилагается к протоколу.

Владимир Высоцкий.

ПЛЫВУТ ДВА КРОКОДИЛА...

Рассказ с магнитофонной пленки

Владимир Высоцкий

Плывут два крокодила: большой и маленький. И вот, значит, они плывут. Маленький все время надоедает большому и говорит: «Скажите, пожалуйста, а вот это как дерево называется?» Тот называет: «Баобаб».

«Скажите, пожалуйста, а как это дерево называется?» – «Не знаю». – «Так где мы сейчас плывем, в Красном море, что ли?» – «В Красном». – «Скажите, пожалуйста, а мы до Ростова отсюда доплывем?» – «Пошел к е... м.., надоел ты мне».

Так вот, значит, мы начали выяснять между Тумановым, кто такие два крокодила. Надо было выяснить.

Маленький крокодил, оказывается, доплыл до Капри и там встретился с Горьким (*смех*), и они там очень с ним подружились. А большой крокодил умер по пути. После этого маленький крокодил специальным водным путем попал в Ростов и стал секретарем обкома там (*смех*). Это маленький крокодил. А большого давно похоронили в Египте, около пирамид он похоронен. Это они когда еще плыли, маленький крокодил все время цитировал стихотворение: «Сидели два медведя на ветке золотой. Один медведь был маленький, другой болтал ногой» (*смех*).

Надо было выяснить, кто это были два медведя. Мы выяснили со всей достоверностью, со всей принципиальностью. Мы выяснили, что маленький медведь, который был с кудрявой головой, это был Владимир Ильич. А большой медведь, который систематически болтал ногой и мешал маленькому мыслить, был Александр П. (*смех*). Это совершенно точно.

Когда я посмотрел на картину Шишкина, которая висела у нас в Третьяковской галерее, и смотрю – там оказалось не два медведя, а три, и еще большая медведица. Большая медведица – это была Надежда Константиновна Крупская.

Два медведя мы выяснили. Кто третий медведь? Давай выяснять, кто третий медведь. Оказывается, это был Рекс. Собака (*смех*). Он был пригримирован в третьего медведя. Рекс – это была умнейшая собака. Он был у подполковника. И когда над подполковником издевалась Зинаида Викторовна, его соседка, Рекс вошел на кухню и сказал: «Если ты будешь трогать подполковника, я тебя покусаю!». Но Зинаида Викторовна не успокоилась и продолжала трогать подп. И Рекс вошел и покусал ее. Для чего это было сделано, что подполковник последние дни своей жизни проводил... Когда подполковник ездил в Организацию Объединенных Наций, он выступал. Рекс вместо него поехал. Подполковник уже не мог ничего говорить, он был склеротический человек. И Рекс стоял на трибуне и, товарищи, я вам должен сказать, без бумажков он читал, и сенаторы плакали в Америке в Организации Объединенных Наций. Вот такой был умнейший пес Рекс. Это был третий медведь, мы со всей достоверностью это выяснили.

Все!

ПРОСИМ РАССМОТРЕТЬ!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
№ Ст-128/6с
Выписка из протокола № 128 § 6с заседания Секретариата ЦК от 19.X.1965 г.
Записка тт. Семичастного и Руденко от 2 – 4 октября 1965 г. № 2273-с.
Поручить тт. Демичеву, Захарову и Руденко дополнительно рассмотреть вопрос и внести предложения.
СЕКРЕТАРЬ ЦК
Послано: тт. Демичеву, Захарову, Руденко.

ЦК КПСС

Докладываем, что, как свидетельствуют имеющиеся материалы, за последние годы во многих капиталистических странах получили широкое распространение произведения советских авторов, передавших их для публикации по нелегальным каналам. Как правило, это различного рода политически вредные литературные «труды» с закамуфлированной или же прямо выраженной антисоветской тематикой.

Особое место среди этой литературы заняли повести московского писателя ТАРСИСА, страдающего психическим заболеванием, осужденного в свое время НАРИЦЫ из Ленинграда, а также Абрама ТЕРЦА и Николая АРЖАКА, под псевдонимами которых скрывались ныне арестованные старший научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького, член Союза писателей СССР СИНЯВСКИЙ и литератор-переводчик ДАНИЭЛЬ.

Книги этих авторов, изданные массовыми тиражами, активно используются пропагандистскими центрами противника в антисоветской обработке общественного мнения стран Запада, в распространении так называемой «правды об СССР», а также засылаются в Советский Союз с враждебным умыслом. Подобного рода литература весьма ценится нашим идеологическим противником, что видно на примере неослабевающего стремления искать все новых авторов среди политически сомнительных советских граждан. <...>

Вызывает также известные опасения наличие у некоторых писателей весьма серьезных антисоветских произведений, публикация которых, по нашему мнению, в СССР невозможна, а проникновение к ним зарубежных издателей может принести заметный ущерб политическому престижу страны. Речь идет, в частности, о неопубликованном романе А. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» и некоторых других его произведениях, обнаруженных при обыске у ТЕУША, о чем ЦК КПСС докладывалось.

Подавляющим большинством писателей подобные действия некоторой части литераторов или близких к этому кругу лиц не одобряются. Однако с тем, чтобы еще раз привлечь внимание писательской общественности к такого рода политически нездоровым проявлениям в творческой среде и добиться более острого реагирования на факты, порочащие звание советского писателя, представляется необходимым провести среди творческой интеллигенции, наряду с принятием некоторых административных мер, достаточно широкую разъяснительную и профилактическую работу. Это вызывается еще и тем, что есть отдельные лица, сочувствующие СИНЯВСКОМУ, ДАНИЭЛЮ и другим и пытающиеся придать их действиям безобидный характер.

В этой работе можно было бы использовать и материалы Комитета госбезопасности.

В частности, полагаем целесообразным провести следующее:

– Комитету госбезопасности информировать о существе дел СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ правления Союзов писателей СССР и РСФСР, руководителей Института мировой литературы им. Горького, а также правления Московского и Ленинградского отделений Союза писателей.

– По окончании следствия и после решения вопроса об ответственности арестованных СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ Союзу писателей СССР обеспечить участие писательской общественности в заключительных мероприятиях по делу, вопрос о которых будет решен Прокуратурой СССР, КГБ и судебными органами.

– Рукописи романа А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В круге первом» и его пьес «Республика труда» и «Пир победителей» Прокуратуре СССР и КГБ в порядке исключения подвергнуть конфискации с последующим хранением в архивах КГБ.

– Поручить Союзу писателей СССР по согласованию с соответствующими местными партийными органами провести партийные собрания и активы писательской общественности с вопросами повышения идеологической закалки творческих кадров с использованием материалов следствия по уголовным делам на лиц, сотрудничавших в антисоветской прессе.

Подготовить материалы для возможной публикации в советской и иностранной прессе по этим вопросам.

– Что касается ТАРСИСА, то во изменение ранее принятого решения о его аресте с целью последующего принудительного лечения, в настоящее время представляется более правильным разрешить ему выезд из Советского Союза за границу с закрытием обратного въезда. Такая мера позволит пресечь различного рода инсинуации о «гонениях» на ТАРСИСА и в обстановке проведения профилактических мероприятий, указанных выше, локализовать действия всяких «комитетов по защите ТАРСИСА», которые в случае ареста последнего, безусловно, ассоциируют его имя с именами СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ, что вряд ли выгодно нам политически.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности при СМ СССР В. СЕМИЧАСТНЫЙ 2 октября 1965 года

Генеральный прокурор Союза СССР Р. РУДЕНКО
4 октября 1965 года

О ДОМОСТРОЕ, ЗВЕРЯХ И НЕГОДЯЯХ

Протоколы допроса свидетеля Розановой-Кругликовой Майи Васильевны

23 ноября 1965 г.
г. Москва
Допрос начат в 10 ч. 30 м.
Допрос окончен в 12 ч. 20 м.

Свидетелю Розановой-Кругликовой М.В. разъяснены обязанности свидетеля, перечисленные в ст. 73 УК РСФСР, и она предупреждена об ответственности по ст. 182 УК РСФСР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ст. 181 УК РСФСР за дачу заведомо ложных показаний.

Подпись (Розанова-Кругликова)

Вопрос: Расскажите, что вам известно о написанных вашим мужем Синявским А.Д. произведениях, которые издавались за границей под псевдонимом Абрам Терц?

Ответ: Как мной уже показано на предыдущем допросе, я знакома с некоторыми произведениями, изданными за границей под псевдонимом Абрам Терц. Но при этом мне не было известно, что их автором является мой муж – Синявский А.Д.

Вопрос: Следствием установлено, что вы в курсе деятельности вашего мужа по написанию и негласной передаче за границу ряда произведений, которые затем были изданы под псевдонимом Абрам Терц. Почему вы скрываете правду?

Ответ: Если мой муж заявляет, что я в курсе его писательских дел, то мне, как верной домостроевской жене, остается только подтвердить его показания независимо от того, насколько они близки к истине.

Вопрос: Ваш муж, Синявский А.Д., на одном из допросов показал:

«...Моя жена впервые узнала от меня о том, что мною написана и уже передана для публикации за границей под псевдонимом Абрам Терц повесть «Суд идет» в конце 1956 или начале 1957 года.

...В последующем я не скрывал от жены, что продолжаю работать над художественными произведениями и передаю их моей знакомой француженке Замойской для издания за границей. Жена знает, что мною написаны рассказы «Графоманы», «В цирке», «Ты и я», «Квартиранты», «Гололедица», «Пхенц», повесть «Любимов» и литературные наброски «Мысли врасплох». Все эти произведения я читал ей вслух...»

Так это было в действительности?

Ответ: Если мой муж утверждает, что это было так, то мне остается только подтвердить его показания.

Вопрос: Процитированные вам показания вашего мужа соответствуют действительности?

Ответ: Если мой муж утверждает, что это было так, то мне остается только подтвердить его показания. То, что сказал муж, для меня является правдой.

Вопрос: Вы можете дать более ясный ответ на вопрос о том, соответствуют ли действительности показания Синявского?

Ответ: Более ясный ответ я дать не могу.

Вопрос: Желаете ли чем-либо дополнить свои показания?

Ответ: Нет.

Протокол допроса мною подписан, показания с моих слов записаны правильно, замечаний не имею.

(Подпись)

Допросил: Ст. следователь следотдела КГБ при СМ СССР подполковник...

***

16 декабря 1965 г.
г. Москва
Допрос начат в 10 ч. 00 мин.
Допрос окончен в 12 ч. 30 мин.

Розановой-Кругликовой М.В. разъяснены обязанности свидетеля, перечисленные в ст. УК РСФСР, и она предупреждена об ответственности по ст. 182 УК РСФСР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ст. 181 УК РСФСР за дачу заведомо ложных показаний.

Подпись (Розанова-Кругликова)

Вопрос: С какого времени вы состоите в браке с Синявским Андреем Донатовичем?

Ответ: С января 1955 года. Брак зарегистрирован в 1959 году.

Вопрос: Как вы можете охарактеризовать поведение Синявского в быту?

Ответ: Я не знаю, как ответить на такой вопрос. Никогда никаких претензий по бытовым вопросам у меня к нему не было. Если иногда у нас возникали отдельные неприятности, то это происходило в силу моего неуравновешенного характера.

По характеру Синявский человек очень спокойный. Как все люди, он иногда весел, а иногда сумрачен. Он человек очень тонкого ощущения. Это один из немногих людей, которые понимают все с полуслова, а иногда и вообще без слов.

Вопрос: Вы не замечали каких-либо особенностей или странностей в поведении Синявского, которые бы вам бросались в глаза?

Ответ: Он очень любил зверей и очень не любил негодяев.

Вопрос: Что вам известно о принятии Синявским обряда крещения?

Ответ: Это вопрос совести Синявского, и я не желаю на него отвечать.

Вопрос: Ремизова Андрея Александровича вы знаете?

Ответ: Да, знаю.

Вопрос: Вы встречались с ним в последнее время?

Ответ: В последнее время я встречалась с Ремизовым у него дома в воскресенье, 12 декабря, и в понедельник, 13 декабря 1965 года.

Вопрос: В связи с чем вы посещали квартиру Ремизова?

Ответ: Узнав о том, что Ремизов вызывался в органы КГБ, я решила встретиться с ним, чтобы узнать цель его вызова в органы госбезопасности.

Вопрос: О чем вы беседовали с Ремизовым?

Ответ: Он сказал, что его допрашивали о Синявском-Терце. Как я поняла со слов Ремизова, он осведомлен в этих вопросах.

Вопрос: Откуда вам стало известно, что Ремизов вызывался в органы КГБ?

Ответ: Этого я не помню.

Вопрос: С кем вы посещали квартиру Ремизова?

Ответ: Я посещала его квартиру со своими друзьями, но с кем именно, сказать не желаю.

Протокол допроса мною подписан, показания с моих слов записаны правильно, замечаний не имею.

Подпись (Розанова-Кругликова)

Допросил: Ст. следователь спецотдела КГБ при СМ СССР подполковник...

VERBATIM

Заключения работы специальных комиссий экспертов, психиатров и филологов несколько различаются по стилю и тону, но не по существу. Перед нами практически безупречные – с точки зрения адекватности описания предмета – документы. И отбросив (как несущественные) элементы обязательной обличительно-осуждающей риторики, мы получаем представление о том, к а к и м Синявский предстал перед медиками (с поправкой на его стремление попасть в больницу вместо тюрьмы, имевшее, впрочем, мало шансов на успех). Равно как и достаточно точный и интересный анализ его текстов – анализ, достигнутый методом «пристального чтения» (которым в обычных обстоятельствах советское литературоведение, как правило, пренебрегало).

АМБУЛАТОРНЫЙ АКТ № 15А

судебно-психиатрической экспертизы на испытуемого Синявского Андрея Донатовича

Мы, нижеподписавшиеся, 18 декабря 1965 года в присутствии Старшего следователя следственного отдела КГБ при СМ СССР свидетельствовали испытуемого СИНЯВСКОГО Андрея Донатовича 1925 года рождения, обвиняемого по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Направлен на судебно-психиатрическую экспертизу согласно постановления Следственного отдела КГБ при СМ СССР от 17 декабря 1965 года в связи с тем, что Синявский на приеме врача следственного изолятора и в беседе со следователем заявил о наличии у него головных болей и слуховых галлюцинаций. Испытуемый о себе сообщает следующее. В детстве он переносил различные инфекционные заболевания, болел малярией, приступы которой сопровождались высокой температурой и головными болями. Он окончил среднюю школу, филологический факультет университета, в дальнейшем работал младшим научным сотрудником, а после защиты диссертации – старшим научным сотрудником Института мировой литературы. Отмечает, что с детства был робким, застенчивым, склонным к уединению. В начальных классах школы начал проявлять интерес к литературе, а затем к философии, причем знакомство с литературой носило только познавательный характер, хотя он много времени уделял размышлениям по поводу прочитанного. В период пребывания в институте он хорошо успевал, вел общественную работу, хотя считает, что по своему характеру был «не деятелем, а созерцателем». Он всегда много работал и в своих творческих поисках находил для себя большое удовлетворение. Испытуемый, как он говорит, рано ощутил «свою старость», в возрасте 30 лет он почувствовал, что уже очень долго прожил и что впереди у него нет каких-либо новых для него интересов. С течением времени у испытуемого складывалось свое особое мироощущение, которое формировалось медленно, постепенно и выражалось, по его словам, в восприятии мира как «вечно нового и таинственного». Такого рода мироощущение находило отражение и в его творчестве, в частности, в описании им художественных образов. Вместе с тем он много занимался, много писал и интерес к творчеству у него не ослабевал. Испытуемый женат, имеет ребенка. Считает себя физически здоровым человеком, но отмечает невыносливость к высокой температуре, головные боли, которые появляются при переутомлении. Материалы дела не содержат данных, которые указывали бы на наличие у испытуемого патологических странностей в поведении, расстройств мышления или эмоционально-волевой сферы. В настоящее время при обследовании отмечается следующее: испытуемый не высказывает жалоб на заболевания внутренних органов. Неврологическое состояние: отмечается расходящееся косоглазие, несколько нарушены содружественные движения глазных яблок, отмечается небольшая сглаженность левой носогубной складки, легкий тремор пальцев вытянутых рук, сухожильные рефлексы равномерные, живые. Психическое состояние: испытуемый при беседе держится естественно, быстро устанавливает контакт с собеседником, проявляет интерес к обследованию, эмоционально живо реагирует на содержание беседы. Подробно освещает интересующие врача вопросы, при уточнении ряда сообщаемых им сведений не обнаруживает недовольства или раздражительности, а остается тактичным и стремится дать исчерпывающие ответы. Высказывания испытуемого о его жизни и круге интересующих его проблем свидетельствуют о разносторонности его интересов в области литературы. Он охотно анализирует характер своего литературного творчества, фантастичность некоторых образов в своих рассказах объясняет отчасти особым характером своего мироощущения, которое выражается в ощущении таинственности мира и наличия, по его мнению, в каждой вещи «еще чего-то духовного». Сочетание в его рассказах описания своеобразных художественных образов, являющихся следствием его особого представления о вещах, с натуралистичным, порой циничным описанием отдельных сцен, сам испытуемый объясняет как «явление стиля» в форме «приема снижения». Высказывания испытуемого на эти темы не обнаруживают каких-либо признаков расстройства психической деятельности, они не содержат ни болезненных нарушений мышления, ни элементов галлюцинаторно-бредового толкования реальной действительности. Сообщая врачу о рано появившемся у него ощущении постарения, реально описывает характер такого рода психического ощущения и отмечает, что желание носить бороду явилось одним из внешних проявлений этого ощущения, и считает, что борода стала теперь как бы его органическим качеством. Соглашается с тем, что рано появившееся ощущение постарения, возможно, было связано с тем, что к 30 годам он уже многое познал и приобрел большой круг сведений. Свое отношение к вопросам философии религии испытуемый не раскрывает; не отрицая факта принятия им крещения, лишь ссылается при этом на свободу каждого гражданина в выборе вероисповедания. По поводу инкриминируемого ему деяния говорит, что ему неприятен тот резонанс, который вызван опубликованием его произведений за границей.

Испытуемый эмоционально живой, наблюдательный, тонко улавливает характер беседы, с некоторой настороженностью относится к расспросам о его состоянии здоровья. Он не считает себя психически больным человеком, однако отмечает некоторое ухудшение его состояния в тюрьме: он много думал о создавшейся ситуации, плохо спал, испытывал головные боли, находился в постоянном ожидании вызова на допрос. В такие периоды «эмоционального напряжения» слышал единичные оклики по имени, однако испытуемый вполне критически оценивает такого рода явления. На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что СИНЯВСКИЙ А.Д. психическим заболеванием не страдает. Он обнаруживает психопатические черты характера, которые выражаются в застенчивости, внутреннем стремлении к уединению, в повышенной сензитивности, в таких переживаниях, как субъективное чувство «психического постарения», в некоторой склонности к символике в суждениях и представлениях при сохранности его интеллектуальных способностей. Поэтому, как не страдающего психическим заболеванием в отношении инкриминируемых ему деяний, СИНЯВСКОГО А.Д. следует считать ВМЕНЯЕМЫМ. <...>

Председатель комиссии: психиатр-эксперт, профессор (Д.Р. Лунц)

Член комиссии: психиатр-эксперт, ст. научн. сотрудник (З.Г. Турова)

Докладчик: психиатр-эксперт, ст. научн. сотрудник (М.Ф. Тальце)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

гор. Москва
«14» декабря 1965 года

Экспертная комиссия в составе директора Института русского языка Академии наук СССР академика ВИНОГРАДОВА Виктора Владимировича (председатель комиссии), заведующего сектором культуры русской речи Института русского языка Академии наук СССР кандидата филологических наук КОСТОМАРОВА Виталия Григорьевича, преподавателя стилистики Литературного института им. Горького кандидата филологических наук БИРЮКОВА Федора Григорьевича и младшего научного сотрудника Института мировой литературы им. Горького Академии наук СССР кандидата филологических наук ПРОХОРОВА Евгения Ивановича на основании постановления Следственного отдела КГБ при СМ СССР от 22 ноября 1965 года произвела исследование представленных в ее распоряжение произведений Абрама ТЕРЦА: сборника «Фантастические повести» («Графоманы», «В цирке», «Ты и я», «Квартиранты», «Гололедица», «Суд идет») и повести «Любимов», изданных за рубежом на русском языке, и переведенных с иностранного языка произведений «Мысли врасплох» и «Что такое социалистический реализм?», а также произведения А.Д.СИНЯВСКОГО: вступительная статья «Поэзия ПАСТЕРНАКА» к книге Б.ПАСТЕРНАК «Стихотворения и поэмы» (М.Л. 1965 г.), статьи, опубликованные в журнале «Новый мир»: «О новом сборнике стихов Анатолия СОФРОНОВА (1959 г. № 8), «Раскованный голос» (1964 г. № 6), «Памфлет или пасквиль» (1964 г. №12), «Есть такие стихи» (1965 г. № 3) и рассказ «Пхенц» (в машинописи).

Перед экспертами были поставлены вопросы:

1. Одним или разными лицами написаны произведения, вошедшие в сборник «Фантастические повести», повесть «Любимов», «Мысли врасплох» и статья «Что такое социалистический реализм?».

2. Не является ли автором названных произведения СИНЯВСКИЙ Андрей Донатович?

Исследованием произведений, представленных экспертной комиссии, установлено:

1. Своеобразие содержания, приемов изложения и стиля публицистических статей и художественных произведений (например, рассказа А.СИНЯВСКОГО «Пхенц» и его критических статей, опубликованных в «Новом мире», – с одной стороны, а с другой – статьи А.ТЕРЦА «Что такое социалистический реализм?» и его рассказов и повестей, опубликованных за рубежом) приводит к необходимости вести сличение и анализ произведений по жанровым группам: отдельно – статьи и отдельно – художественные произведения.<...>

Своеобразным соединительным звеном между статьей А.ТЕРЦА «Мысли врасплох», тематическая близость которой ко всем произведениям данного автора – усиленное внимание к сексуальным вопросам и особенно к теме бога – не вызывает никаких сомнений.

2. Поскольку статья «Что такое социалистический реализм?» и работа «Мысли врасплох» имелись у экспертов только в переводе с иностранного языка, лингво-стилистический анализ их почти невозможен, и они будут привлекаться экспертами только для анализа по содержанию.

3. Художественные произведения А.ТЕРЦА разноплановые по своему содержанию. Одни из них не имеют открытого политического характера («Ты и я», «Квартиранты» и др.) – это протест скорее стилистический, литературный. В эту группу могут быть включены и «Мысли врасплох». Другие – откровенно антисоветски заострены «Суд идет», «Любимов»; к ним относится и статья «Что такое социалистический реализм?». При этом враждебные выпады А.ТЕРЦА не носят характера выступлений против какого-то частного факта или конкретного периода в жизни нашей страны, а направлены в целом против советского общественного и государственного строя, изображенного в нарочито уродливой карикатурной форме, порочащей его. Особенно безобразной и оскорбительной для любого советского человека является сцена в повести «Любимов», связанная с В.И. Лениным (с. 121–122). <...>

4. Для всех художественных произведений А.ТЕРЦА характерны претенциозность, манерничанье, мнимое глубокомыслие (особенно в «Мыслях врасплох»). Автор явно злоупотребляет использованием приемов галлюцинации, сна, бреда для якобы более глубокого обоснования психологического состояния действующих лиц, изображением сцен «прозрения» героев, раздвоения личности и т.п.<...>

5. Художественное творчество А.ТЕРЦА в целом несостоятельно и стилистически. Попытки писать в «новом», динамическом ключе – и наряду с этим нарочитая усложненность описаний приводят к стилистической мешанине, совершенно неоправданной содержанием анализируемых произведений. В большинстве рассказов совпадают и частные художественные приемы. Так, автор очень часто использует прием непрерывной записи сменяющих друг друга фраз и мыслей действующих лиц. В «Ты и я»: «А мне, родной-дорогой, с глазу бы на глаз...» и т.д. («Фантастические повести», с. 58–59); в «Гололедице»: «Пустыня. Кварц. Солнце...» и т.д. (там же, с. 98), в «Суд идет»: «Средства хорошие? Мокрого места не останется...» и т.д. (там же, с. 184), в «Любимове»: «Айай – косой черт приласкай косой черт...» («Любимов», с. 139, ср. там же, с. 143, 153–154) и т.п.

Точно так же во всех рассказах заметно пристрастие автора к словесной эквилибристике. В «Графоманах»: «Ихоч икотца», «пухежилился», «Возду...чуста... хани... жаю... зи» («Фантастические повести», с. 25), в «Ты и я»: «Лидидилька-фургончик» (там же, с. 54), «Шаш-или-шиш?-лык! лык! лык!» (там же, с. 62), в «Суд идет»: «Рьянцы, контр, ксизм-сизм-сизм. Мация-кация-грация-нация» и т.п. (там же, с. 184), в «Любимове»: «Сам, сын, сон, сам-сон... Геркулябия» (с. 56) и т.д. <...>

Наконец, есть здесь и какой-то намек на автора: герой рассказа – Андрей Казимирович СУШИНСКИЙ, полуполяк, полурусский («Пхенц», с. 11).

7. Анализируемая статья «Что такое социалистический реализм?», бесспорно, принадлежит квалифицированному критику. При всем ее своеобразии есть возможность сопоставить некоторые ее положения с публицистической по характеру повестью «Суд идет». Основная мысль статьи – телеологичность эстетики и поэтики социалистического реализма: цель как идеал, к которому стремится советское общество, и «приведение движения к цели и содействие приближению цели... задача социалистического реализма» (с. 3 и след.). А поскольку цель эта – коммунизм, принятый советским обществом, постольку (лишь постольку!), считает автор, можно «оправдать» существование искусства социалистического реализма, ибо «цель оправдывает средства». Революцию делали личности, утверждает А.ТЕРЦ, но уже вскоре она потеряла свое прогрессивное лицо, так как формировалось государство как орган насилия. Отсюда идет и его утверждение принципа безличности, дегероизации советской литературы, потери ею тех достижений, которые она имела в первые послереволюционные годы.

Подобного же рода рассуждения о цели всего сущего и о телеологии человеческой жизни и деятельности неоднократно встречаются и в повести «Суд идет»: «Главное – великая цель наша. Ею все и мерь».(«Фантастические повести», с. 144), «цель оправдывает средства и это тем более правильно, чем выше желанная цель» (с. 145). «Без жертв не обойтись, зато – во имя цели» (с. 202, ср. также с. 144, 149, 155, 174, 184, 195, 202,206).<...>

8. Анализ статей, опубликованных А.СИНЯВСКИМ в советской печати, показывает, что, естественно, нет прямых совпадений в содержании этих статей и статьи А.ТЕРЦА «Что такое социалистический реализм?».

Однако некоторые сопоставления можно сделать и здесь. Так, в статье «Что такое социалистический реализм?» цитируется высказывание Н.ПУНИНА, опубликованное в старой и редкой газете «Искусство коммуны» от 15 декабря 1918 года. Эта же газета неоднократно цитируется в книге А.МЕНЬШУТИНА и А.СИНЯВСКОГО «Поэзия первых лет революции», причем упоминается в том числе и этот номер газеты, хотя цитируется статья другого автора.

В статье «Что такое социалистический реализм?» один из романов Е.МАЛЬЦЕВА приводится как пример «классической прозы средней художественной ценности.<...>

Этой же проблеме – произведениям «среднего уровня» – посвящена статья А.СИНЯВСКОГО «Есть такие стихи» («Новый мир», 1965 г., № 3), в которой говорится о широком распространении у нас стихотворений «среднего уровня», в которых «слишком ощутимы рамки, законы, границы, в которые уложил себя автор», видна «печать заданности», «сочиненности».

9. Если можно утверждать, что уровень мастерства А.ТЕРЦА как автора статьи «Что такое социалистический реализм?» значительно выше уровня его мастерства в художественных произведениях, то есть все основания утверждать, что статьи А.СИНЯВСКОГО «Поэзия ПАСТЕРНАКА» и А.ТЕРЦА «Что такое социалистический реализм?» написаны на одинаковом уровне литературоведческой квалификации и углубленности анализа.

Более того, в статье А.СИНЯВСКОГО «Поэзия ПАСТЕРНАКА» можно найти теоретическое положение, которым в полной мере воспользовался А.ТЕРЦ в своих художественных произведениях. Так, А.СИНЯВСКИЙ пишет, что в произведениях ПАСТЕРНАКА «невозможно разграничить «главное» и «второстепенное», извлечь основную нить рассказа, отделив ее от «фона», на котором развернуто действие. Сам «фон» до предела активен и сплошь и рядом оказывается передним планом поэмы. Случайное в судьбах героев носит провиденциальный характер, получает узловое значение в развитии повествования...» <...>

10. Точное приурочивание событий, происходящих в произведениях А.ТЕРЦА, к событиям советской действительности не всегда возможно, за исключением повести «Суд идет», относящейся к годам 1949–1953. В остальных случаях таких точных хронологических параллелей нет. Однако нет никаких сомнений, что в анализируемых произведениях нет никаких примет и деталей прошлого, хотя бы и не столь далекого. Все направлено на клеветническое изображение сегодняшнего дня, видна явная попытка обобщить изображаемые явления как присущие современной советской действительности.

На основании изложенного, экспертная комиссия приходит к следующим выводам:

1. Рассказы сборника «Фантастические повести», повести «Любимов», статьи «Что такое социалистический реализм?» и «Мысли врасплох» принадлежат одному автору – Абраму ТЕРЦУ.

2. Автор рассказа «Пхенц» и перечисленных в начале настоящего заключения статей – Андрей Донатович СИНЯВСКИЙ – является автором рассказов и статьи, подписанных именем Абрама ТЕРЦА.

Следовательно, А.Д. СИНЯВСКИЙ и А.ТЕРЦ – одно лицо.

Председатель экспертной комиссии ВИНОГРАДОВ

Члены комиссии БИРЮКОВ, КОСТОМАРОВ, ПРОХОРОВ

СЛОВО ПИСАТЕЛЕЙ

Внутренние рецензии на книги Абрама Терца, написанные членами СП СССР по заказу КГБ

Борис Сучков

Сочинения Абрама Терца я прочел впервые. Они оставляют тягостное впечатление. Прежде всего своей мизантропичностью, внутренней раздраженностью, крайне недоброжелательным взглядом на человека и на народ той страны, в которой жил Абрам Терц или личность, скрывшаяся под этим заимствованным из старой одесской песенки псевдонимом.

Не все «Фантастические повести» имеют прямую политическую окраску. Некоторые из них внешне нейтральны. Но жизнь, описанная в них, крайне скудна, духовно бедна, а люди, выведенные в этих рассказах, совершенно отторгнуты от тех реальных объективных процессов, которые идут в мире действительном, внутренне к ним равнодушны и заняты своими частными делами, которые должны подтвердить свойственную сочинениям Терца мысль о косности самой человеческой натуры. <...> Интересы героев Терца весьма ограниченны, низменны и примитивны. Живут они в атмосфере страха и повального доносительства, якобы пронизывающих существование советских граждан сверху донизу. Следует отметить, что рассказам этим свойственен налет мистицизма, перерастающий в своеобразную религиозность произведений, написанных Терцем в последнее время. Подобного рода эволюция мне кажется понятной и объяснимой, ибо полное отрицание коммунизма как общественного идеала, характерное для политически направленных сочинений Терца – таких, как «Суд идет» или «Любимов», – неизбежно толкает его в объятия религии, поскольку ему нечем заполнить вакуум, образовавшийся в его душе. <...>

Все содержание существа социализма и коммунизма Терц сводит только к культу личности и, более того, к его репрессивной стороне, к террору, слежке, доносительству, следствием своих имеющих полную нравственную и духовную деградацию советского общества. <...> Ничего не изменилось в жизни после смерти Сталина, только были сняты одни вывески и на их место повешены другие. В советском обществе нет никаких живых сил (даже мальчик Сережа из повести «Суд идет», фанатически верящий в коммунизм, угрожает расстрелом тем, кто по забывчивости может обидеть человека), по-прежнему политический террор господствует в стране, по-прежнему у власти находятся тупые чиновники и преданные режиму работники аппарата насилия. Еще более озлобленное изображение советской действительности содержится в повести «Любимов», полной прозрачных и вполне ясных намеков на период пребывания Н.Хрущева у руководства. В этой повести Терц развивает тезис о практической неосуществимости идеи коммунизма и полном омертвении советского общества. Нельзя обойти без гнева и возмущения его постыдных выпадов по отношению к В.И. Ленину, его недостойных попыток раздуть национальную рознь, с одной стороны, назойливыми намеками на антисемитизм, якобы свойственный нашему обществу, с другой – противопоставлением еврейского народа как такого народа, которому суждено стать в будущем во главе прогресса, всем другим народам. <...> Будучи изданными за рубежом, его произведения дезориентировали и дезинформировали читателей, внушали им неприязнь и враждебное чувство к коммунизму, ибо систему, построенную на его принципах, Терц изображал как полицейскую, бездушную, бесчеловечную.

С художественной точки зрения писания Терца не представляют ценности. <...>

Борис Леонтьевич Сучков (1917–1974) — критик, литературовед, в 1965 году — заместитель главного редактора журнала «Знамя».

Юрий Идашкин

<...> Итак, перед нами история районного центра советской России – города Любимова. Волею автора на праздничной демонстрации в Любимове происходят события, полностью изолирующие город от страны и вручающие верховную абсолютную власть в городке одному лицу – Леониду Ивановичу Тихомирову. Такой композиционный прием позволяет автору прибегнуть к целой системе аллегорий, частью скрытых, носящих характер намеков, а частью – откровенных и прозрачных, но всегда долженствующих на примере города Любимова и его жителей, а также других героев повести, показать якобы закономерности советской жизни, экономических, общественных, идеологических и нравственных процессов, будто бы происходящих в нашей стране. <...>

Характерно, что автор, по-видимому, сам отлично понимает антисоветско-клеветнический смысл своей стряпни, ибо уже в предисловии допускает возможность судебной ответственности за свою книгу. <...>

Полумистическое описание событий, происшедших на Первомайской демонстрации, не только не вуалирует, но, напротив, подчеркивает издевательство автора над проведением этого праздника в нашей стране, а главное, над ликвидацией последствий культа личности. Достаточно прочитать речь Тихомирова (стр. 34), чтобы убедиться в этом. Автор пытается показать, что добровольный отказ от власти секретаря горкома Тищенко приводит к немедленной ее узурпации, происходящей при бурном одобрении «народа»! Попутно автор не упускает возможности надругаться над рядом советских лозунгов, а затем и над идеями построения материальной базы коммунизма, освоением космоса и ростом социалистического сознания. При помощи авторских сносок (стр. 43) Абрам Терц совершенно недвусмысленно выражает свое полное неверие в эти идеи. Далее, автор наделяет Тихомирова чудодейственной силой магнетического внушения, которая якобы позволяет советским руководителям постоянно выдавать желаемое за действительное. Такой прием, с одной стороны, позволяет автору грубо надсмеяться над материалистической философией (в частности, над работой Энгельса «Диалектика природы»), а с другой – аллегорически издеваться над проблемами снабжения (по воле Тихомирова вода превращается в спирт, зубная паста – в рыбу и т.п.). Вслед за этим автор принимается за органы государственной безопасности. Он не жалеет «красок» для изображения подполковника Алмазова, «товарищей О. и У.» – глупцами, провокаторами, политическими начетчиками.

«Ну а политические выступления были: что-нибудь насчет крупы, колбасы?» – спрашивает Алмазов. «Насчет колбасы ничего не замечено. Тихомиров все больше хлопочет о поднятии мирового прогресса...» (стр. 62). И далее следует монолог «товарища О.», представляющий собой откровенную и злобную атаку автора на все советское (стр. 63). Сцены свадьбы Тихомирова по своему антисоветскому характеру не уступают предыдущей. Пожалуй, апофеозом этого антисоветского пароксизма является аллегорическое описание любимовского пейзажа и восторженная оценка его Преференсовым (стр. 78). <...>

Весьма характерны и излияния автора на стр. 127. В них содержится и ясно выраженная тоска по поводу отсутствия в его распоряжении средств вооруженной борьбы против советской власти, и четкая программа борьбы против нее при помощи идеологических средств, в первую очередь – литературных. «Когда б у нас была хотя б одна батарея, хоть какой-нибудь плохонький карабин, мы бы не стали потрясать небосвод грубыми воплями», – пишет автор. <...> Но так как оружия пока нет, «неужто... мы... не ткнем в урчащую морду... чудовищной кровоточащей гиперболой?!» – исступленно призывает автор.

Автор уделяет много места в повести фигуре сыщика Виталия Кочетова. Роль этого персонажа в созданных воображением автора ситуациях, фамилия этого героя не оставляют сомнений в том, что автор стремился аллегорически изобразить известного советского писателя Всеволода Кочетова. Замысел этот находит свое выражение и в неоднократном упоминании друга Виталия Кочетова – Анатолия Софронова. Последний в повести вообще не действует и упоминается явно лишь для упрочения соответствующих литературных ассоциаций. <...>

Рассказы А. Терца «Графоманы», «В цирке», «Ты и я», «Квартиранты», входящие в сборник «Фантастические повести», можно объединить по одному принципу: они населены шизофрениками и алкоголиками, ворами и всяческими отщепенцами, которые трактуются автором, как неизбежный продукт жизни в советском обществе, где сама атмосфера дышит взаимной подозрительностью, страхом, взаимной ненавистью, где неминуем разлад между личностью и обществом, приводящий к преступлениям, психическим расстройствам, алкоголизму. <...>

Сюжет повести «Гололедица» также носит полуфантастический, полумистический характер. Однако это лишь прием, способ для компрометации революционной идеологии, для издевательства над священными для каждого советского человека понятиями. Достаточно вспомнить монолог чекиста, полковника Тарасова, уговаривающего героя повести помочь в выявлении шпионов (стр. 116). Снова автор прибегает к своему обычному оглуплению партийных, советских работников, доведению их образов до полного идиотизма. Кстати говоря, при помощи рассуждений Тарасова (стр. 118) автор умело играет на руку одному из излюбленных утверждений – буржуазной пропаганды об «экспорте революции с помощью силы оружия». <...>

Работник Госбезопасности Тарасов представлен через его родословную как некая слепая, извечная полицейская сила, всегда стоявшая и над обществом, и над отдельной личностью. И Тарасов – вершина эволюции этой силы, так как венец развития этой силы, берущей свое начало от опричников и стражников до царских жандармов. Автор считает, что эта сила, постоянно навязываемая обществу как орудие подавления и насилия (над кем?!), испытывает «неодолимую потребность в самоусовершенствовании», и перед ней не устоит «никакая Австралия, никакая Новая Зеландия, не говоря уже о более мелких задачах» (стр. 119). <...> Показателен и финал повести: «Нет! Вы как хотите, а я – покуда все не улучшится и не изменится, – я остаюсь с мертвыми».

Повесть «Суд идет» – более откровенно антисоветская, нежели остальные произведения, вошедшие в сборник. Носителем главной идеи, основного пафоса повести выступает городской прокурор Глобов. В прологе «хозяин» характеризует его как «возлюбленного сына и верного слугу». Биография Глобова подчеркнуто советская: он из многодетной рабочей семьи, герой Отечественной войны, в период коллективизации ранен пулей из кулацкого обреза. Какими же качествами наделяет этого честного работника советского правосудия автор? Примитивностью политического мышления, интеллектуальной ограниченностью, антисемитскими настроениями. Достаточно вспомнить его разговор с сыном (стр. 142), в котором Глобов не может ответить на элементарные вопросы истории страны и, таким образом, подчеркивает мнимую лживость и демагогичность ее «официальной» трактовки; размышления Глобова о деле Рабиновича (стр. 139), которые носят примитивно антисемитский характер; множество его высказываний на тему о том, что цель оправдывает средства.

Аналогии и аллегории верно служат целям автора. Глобов на футбольном матче оправдывает грубую, нечестную игру: «в горячке не разберешь, бьешь и все тут» (стр. 158). Глобов на симфоническом концерте думает о трудной роли дирижера – заставить всех играть одно и то же, и вблизи дирижер представляется ему... мясником, что рубит туши (стр. 147). Глобов одержим идеей все и вся судить, и эти его навязчивые идеи как бы перекликаются с авторскими сентенциями и мыслями «хозяина». Даже философские размышления о слове оборачиваются сыскной формулой: «слово и дело!»

Делясь со своей тещей – старой большевичкой мыслями о «трудностях», переживаемых страной (они явно надуманы), Глобов откровенно мечтает о «добром кровопускании, громком публичном процессе, очищающем атмосферу» (стр. 182). Друзья Глобова – работники Госбезопасности – еще более страшные фигуры... Чтобы усугубить впечатление, автор подчеркивает, что эти люди, которые внушают ужас половине мира, обладают какими-то человеческими чертами и даже слабостями. Вместе с Глобовым его друзья затевают провокационный политический процесс, в котором легко угадывается намек на известное «дело врачей». <...>

Положительных героев представляет в повести старуха – теща Глобова, которая, по мысли автора, явно отжила свой век, и двое подростков-школьников с их наивными представлениями о жизни и справедливости. <...> Может быть, «Суд идет» задумано как произведение, разоблачающее нравы периода культа личности? Нет. Ибо сам автор недвусмысленно дает понять, что и после смерти «хозяина» в стране ничего не изменилось.

В эпилоге за колючей проволокой встречаются Рабинович, так и не реабилитированный после разоблачения фальшивого «дела врачей», Сережа, отбывающий срок без всякой вины, и автор, осужденный за написание рецензируемой повести. Не правда ли, какая трогательная форма самооценки? К тому же из их разговора выясняется, что Глобов получил повышение. <...> **«Что такое социалистический реализм?»** Статья эта не заслуживает сколько-нибудь серьезного разбора в той ее части, где автор пытается анализировать соцреализм как художественный метод. <...> Однако для характеристики политических позиций автора статья весьма показательна. Отмечу основное.

1. Научный коммунизм отождествляется автором с явно утопической, религиозной по своему существу системой. <...> Марксизм и «марксистский способ мышления» признаются автором телеологическими по сути (стр. 8–9) и вызывают даже не возражение, а всего лишь иронию.

2. Переходя к практике осуществления марксистских идей в нашей стране, автор издевательски заявляет, что социалистическое обществ пришло к результатам, прямо противоположным идеям (стр. 10, 11), и констатирует, что наша цель «уже давно стала ничего не значащей фразой» (стр. 11).

3. Издевательски отождествляя партию с богом, а ее руководство с Верховным жрецом, автор злобно хихикает над понятием партийности искусства (стр. 13).

4. Автор откровенно признается (стр. 38), что вместо понятия «советская власть» оперирует в статье терминами «наше государство», «социалистическая система», автор объясняет это революционными ассоциациями, которые все еще, по давней привычке, связаны с понятием «советская власть», но тут же поясняет, что «советская власть» и «советское государство» – разные понятия и что если у него нет ничего против советской власти, то против советского государства он «кое-что имеет». Надо сказать, что подобная позиция поразительно напоминает контрреволюционный лозунг эсеровских мятежников: «Советы без коммунистов!»

5. Автор (стр. 46–47) лицемерно сожалеет, что нельзя уже создать новый культ, что Сталин не был обожествлен посмертно, что Ленин (по причине небольшого роста, лысоватости и т.п.) не может быть обожествлен. Все эти кощунственные рассуждения нужны автору для одной цели: доказать, что без мистического, религиозного фанатизма, выражающегося в поклонении одному лицу, невозможна жизнь советского общества, ибо цель его усилий – не более чем обман, нуждающийся в прикрытии.

6. <...> небезынтересно отметить, что автор видит выход из «кризиса» нашей литературы в «художественной фантасмагории», «гипотезе вместо цели» и «гротеске вместо обычных описаний». Не пытался ли он подвести таким образом «теоретическую базу» под свою же «художественную практику»? И не находят ли здесь своего естественного единства «теоретическое» отрицание коммунистической идеологии и советского государства (в статье) с практическим призывом к его свержению (в повести «Любимов»)?

Юрий Владимирович Идашкин (1930–1997) — критик, кандидат педагогических наук; в 1965 году — член редколегии журнала «Октябрь».

VERBATIM

Виктор Дмитриевич Дувакин – в центре с цветами. В первом ряду крайний справа Андрей Синявский. Во втором ряду крайняя справа Элен Пельтье. Филфак МГУ. 1948 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля Дувакина Виктора Дмитриевича

гор. Москва, 16 октября 1965 года

Дувакин В.Д., 1909 года рождения, уроженец гор. Москвы, гражданин СССР, русский, беспартийный, образование высшее, доцент, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры советской литературы филологического факультета Московского государственного университета, проживает по адресу: Москва, 1-й Тружеников переулок, дом 16, кв. 1, тел. домашний Г 6-25-93.

Допрос начат в 11 ч. 30 м.

ВОПРОС: Вы знаете СИНЯВСКОГО Андрея Донатовича?

ОТВЕТ: Да, Андрея Донатовича СИНЯВСКОГО я хорошо знаю. В 1944–1949 гг. он занимался на филологическом факультете Московского государственного университета, где я преподавал и продолжаю преподавать ряд дисциплин по кафедре советской литературы. СИНЯВСКИЙ, в частности, занимался в семинарах «Творчество Маяковского», «Маяковский и советская поэзия» и «Поэтика Маяковского», которыми руководил я. Он сдавал мне экзамен по теории литературы и, кроме того, я был научным руководителем его дипломной работы на тему «Эстетика Маяковского».

Как студент СИНЯВСКИЙ производил на меня блестящее впечатление. Он хорошо учился, его студенческие работы носили творческий характер. Если внешне он выглядел, с позволения сказать, плюгавым человеком, то его работы, посвященные творчеству Маяковского, характеризовали его как талантливого студента. Наряду с этим он был скромный и работоспособный человек. Это мне импонировало. Считая его яркой и талантливой личностью, я относился к нему хорошо, был привязан к нему. СИНЯВСКИЙ платил мне взаимностью.<...>

Продолжая поддерживать близкие товарищеские отношения с СИНЯВСКИМ, я систематически встречался с ним. Он по-прежнему производил на меня впечатление очень способного и талантливого человека, одержимого искусством. Мы много беседовали об искусстве. Кроме того, он с интересом рассказывал о своих ежегодных поездках в северные районы Европейской части СССР, куда, как мне известно с его слов, он выезжал с целью изучения памятников искусства и архитектуры. Его очень интересовала старая русская деревянная архитектура – церковная и гражданская.

В последние годы мы встречались реже, однако взаимоотношения между нами по-прежнему оставались близкими и товарищескими.

ВОПРОС: Вам известны литературные произведения СИНЯВСКОГО?

ОТВЕТ: Мне известен ряд литературоведческих работ СИНЯВСКОГО. Я знаком с его работами о Пикассо и Пастернаке, а также с рядом его критических статей и рецензий, опубликованных в журнале «Новый мир» и в коллективных трудах Института мировой литературы имени Горького. Все эти работы СИНЯВСКОГО производили на меня положительное впечатление.

Художественных произведений СИНЯВСКОГО я не читал, и до последнего времени мне вообще не было известно, пишет ли он прозу. Правда, еще во время учебы СИНЯВСКОГО в Университете он как-то у меня дома прочел мне свой небольшой рассказ, написанный от руки на 2-3 страницах. Название рассказа я не помню, сюжета он не имел и представлял собой какую-то игру слов, передачу каких-то ощущений. Надуманность и манерность рассказа мне не понравились, что я и высказал СИНЯВСКОМУ. Он со мной не спорил. В связи с тем что к рассказу СИНЯВСКОГО я отнесся иронически, он в последующем не читал мне своих художественных опытов, если они у него были.

Уже после ареста СИНЯВСКОГО от заведующего сектором Института мировой литературы имени Горького ТИМОФЕЕВА Леонида Ивановича я узнал, что СИНЯВСКИЙ якобы писал прозу и будто бы обвиняется в том, что является автором ряда произведений, опубликованных за границей под псевдонимом Абрам ТЕРЦ.

Как бывший учитель СИНЯВСКОГО и как его товарищ я, естественно, решил попытаться разыскать эти произведения и ознакомиться с ними. Я считал, что мне следовало сделать это.

21 сентября 1965 года на дне рождения моей дочери Екатерины мне от моего двоюродного брата СЕЛЮ Юлиана Сергеевича, работающего ветеринарным врачом в ветлечебнице Киевского района гор. Москвы, случайно стало известно о том, что он имеет книгу Абрама ТЕРЦА под названием «Фантастические повести». Как говорил мне брат, эту книгу ему дал какой-то знакомый ему артист. В этот же день поздно вечером я вместе с СЕЛЮ съездил к нему на квартиру (Студенческая ул., 32, кв. 162, тел. домашний Г 3-71-23) и взял у него почитать названную книгу. Она представляет собой сборник рассказов под названиями «Графоманы», «В цирке», «Ты и я», «Квартиранты», «Гололедица», «Суд идет», изданный на русском языке польским издательством «Институт литературы» в Париже в 1961 году. По прочтении книги я возвратил ее обратно. Никому из знакомых читать ее я не давал.

Названные рассказы мне не понравились, о чем я сказал жене СИНЯВСКОГО – РОЗАНОВОЙ Майе Васильевне (ее также зовут Марией) при посещении ее квартиры в начале октября сего года. В разговоре со мной Майя Васильевна не оспаривала и не подтверждала, что СИНЯВСКИЙ и ТЕРЦ – одно и то же лицо. Одновременно она пояснила, что ее муж обвиняется в написании произведений под псевдонимом Абрама ТЕРЦА. На мой вопрос о том, не имеется ли у нее произведений ТЕРЦА, Майя Васильевна ответила, что она читала повесть «Любимов», и пообещала достать эту книгу для меня. После этого я как-то заходил к Майе Васильевне, но к тому времени она еще книгу не достала. В пятницу 15 октября 1965 года, примерно в 10 часов вечера, я вновь приехал к СИНЯВСКОЙ, и она дала мне почитать обещанную повесть, изданную на русском языке. Наименование издательства и год издания повести я сказать затрудняюсь, так как обложка книги была завернута в газету. Передавая мне книгу, Майя Васильевна попросила ознакомиться с ней у нее дома, так как, с ее слов, на другой день утром надлежало возвратить книгу. Примерно к 2 часам ночи я прочитал повесть «Любимов», возвратил книгу Майе Васильевне и ушел домой. Когда я читал «Любимова», никого из посторонних у Майи Васильевны не было.

Имеются ли у СИНЯВСКОГО другие художественные произведения, я не знаю. Мне также неизвестно, каким образом были переправлены за границу рукописи его произведений.

ВОПРОС: Кроме вас Майя Васильевна давала кому-либо читать произведения, написанные СИНЯВСКИМ-ТЕРЦЕМ?

ОТВЕТ: Читал ли кто-либо из знакомых СИНЯВСКОГО произведения, изданные под псевдонимом Абрама ТЕРЦА, я не знаю.

ВОПРОС: Вы кому-либо рассказывали, что жена СИНЯВСКОГО давала вам читать повесть «Любимов»?

ОТВЕТ: Нет, об этом я никому не рассказывал.

ВОПРОС: Как вы можете охарактеризовать прочитанные вами произведения – «Фантастические повести» и «Любимов»?

ОТВЕТ: Мне трудно связать общее впечатление от прочитанных книг Абрама ТЕРЦА с Андреем СИНЯВСКИМ, которого, как я уже пояснил выше, давно знаю. Тем более трудно, что СИНЯВСКИЙ вообще никогда не говорил мне о том, что он пишет прозу. В связи с этим я прошу предоставить мне возможность дополнительно продумать и изложить свое мнение в письменной форме.

ВОПРОС: Как вы можете охарактеризовать политические взгляды СИНЯВСКОГО?

ОТВЕТ: Я считаю его нормальным советским человеком, болезненно горячо относящимся ко всему, что касается искусства. Я уверен в том, что он русский человек, любящий Родину. В его патриотизме я не сомневаюсь.

ВОПРОС: Вам не приходилось слышать со стороны СИНЯВСКОГО высказывания антисоветского характера?

ОТВЕТ: Подобных высказываний с его стороны мне слышать не приходилось.

ВОПРОС: СИНЯВСКИЙ не давал вам читать произведения зарубежных авторов?

ОТВЕТ: Лет 7-8 тому назад я брал у СИНЯВСКОГО почитать книгу «Проза. Марина Цветаева», изданную на русском языке в Нью-Йорке издательством имени Чехова. Примерно через год я эту книгу возвратил СИНЯВСКОМУ.

ВОПРОС: Вам не известен писатель Николай АРЖАК?

ОТВЕТ: Эту фамилию я слышу впервые.

ВОПРОС: Чем желаете дополнить свои показания?

ОТВЕТ: Названный выше мой двоюродный брат СЕЛЮ состоит на учете в психиатрическом диспансере Киевского района гор. Москвы, как больной человек. Чтобы его не травмировать, я попросил бы не допрашивать его.

К характеристике СИНЯВСКОГО я хотел бы добавить следующее: Какую бы работу он ни вел (лекторскую, литературную, организационную), он все всегда делал очень тщательно и добросовестно. Он всегда держит слово. Я считаю, что его работа и в институте, и в университете, и в советской печати является вкладом в советскую культуру.

Допрос окончен в 14 час. 30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно, замечаний, подлежащих внесению в протокол, не имею.

ДУВАКИН (Подпись)

Допросил:

Ст. следователь следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР

ПОДГОТОВКА К СУДУ В ЦК КПСС

ОТКРЫТЫЙ судебный процесс по делу Синявского и Даниэля состоится в период с 10 по 12 февраля 1966 года в зале судебных заседаний Московского областного суда (зал вмещает 100 человек). Дело принято к производству Верховным судом РСФСР и будет рассмотрено под председательством т. Смирнова Л.Н. Государственное обвинение поддерживает т. Темушкин – зам. начальника отдела Прокуратуры СССР; защиту обвиняемых осуществляют адвокаты тт. Коган и Кисенишский. Намечается выступление общественного обвинителя от Союза советских писателей.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР

Пропуск № 31

Тов. Розанова-Круглик М. В.

НА СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Февраль 1966 г.

ул. Баррикадная, д. 8-в, здание Мособлсуда

Имеется в виду, что судебные заседания будут проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов гор. Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МГК КПСС.

В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложения об освещении этого процесса в печати и по радио:

1. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газета «Известия» и «Литературная газета». Редколлегии газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура» и «Советская Россия» по своему усмотрению могут публиковать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал суда (без фотоаппаратов) по служебным пропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Иностранные корреспонденты на судебный процесс не допускаются.

2. Для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса образовать специальную пресс-группу в составе тт.: Мелентьева Ю.С. (зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС) – руководитель, Миляева А.А. (Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС), Беляева А.А. (Отдел культуры ЦК КПСС), Кузнецова В.И. (Отдел административных органов ЦК КПСС), Волкова А.Ф., Бобкова Ф. (КГБ при Совете Министров СССР).

Просим согласия.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС (В. Шауро)

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (А. Яковлев)

Зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС (Н. Савинкин)

3 февраля 1966 г.

СПРАВКА

Указанные в записке мероприятия осуществлены.

Зав. отделом культуры ЦК КПСС (В. Шауро)

26.2.66 г.

А ПОТОМ НА РАБОТЕ Я ВСТРЕТИЛ МАЛЕНЬКОГО ПАУЧКА...

Письма из Дубровлага

Андрей Синявский

НЕРАДОСТНЫЕ письма пришли от тебя, Машка, к моей и впрямь не очень веселой дате. Я решил ее не справлять, не отмечать, как это здесь делается иногда, а только долго и серьезно думаю о тебе.

У Пушкина можно встретить самые порой неожиданные стихи, имевшие для него значение бокового хода, пробы пера, оговорки, оказавшихся затем сердцевиной какого-нибудь отдаленного литературного слоя. Среди прочих прошлой зимой я наткнулся на такие – из отрывков 1821 г. (говорит неизвестно кто, скорей всего – ведьма):

– Молчи! ты глуп и молоденек:
Уж не тебе меня ловить!
Ведь мы играем не для денег,
А только б вечность проводить!

Эти строки поразили меня явной интонацией Хлебникова и показались прямым эпиграфом к его поэме, написанной совместно с А. Крученых. Очень может быть, они-то и послужили закваской в хлебниковской теме, были первым мотивом, на который она настраивалась.

Удивительна здесь идея бесцельного провождения вечности (как всегда у Пушкина, лишь от постановки-подстановки одного слова [в данном случае перевернуто вверх ногами – «проводить время»] играет вся строфа, весь большущий кусок текста). Вечности как неизбывной, длящейся и при всем том замкнутой в пространственных размерах, пустующей среды. Вечности, где время застыло и о которой много-много лет спустя сказал Свидригайлов как о «бане с пауками». «Предчувствовалась какая-то вечность «на аршине пространства», – повторяет Достоевский по сходному поводу.

Между прочим, перечитывая Пушкина той зимой, я нашел и другие выходы в дальнее будущее. Так, стихотворение Пастернака «Рассвет» («Ты значил все в моей судьбе») вопреки отсутствию совпадений неуловимо тянет «Подражанием Корану» («Нет, не покинул я тебя»), которое вело в свою очередь к пушкинскому «Пророку». Не исключено, что само «Подражание» навеивалось «Надеждой» Батюшкова («Мой дух! доверенность к Творцу!») или общим для них обоих Жуковским с его «Певцом в стане русских воинов». Вот бы когда-нибудь свести всех этих авторов вместе и попробовать вывести общий знаменатель из их решительных интонаций...

А у Мандельштама бесподобное сплетение зимней стужи, оркестра, театра, расставания, прощальных женских прелестей и наклонов, по всей вероятности, подготовлено (предсказано) молодым Пушкиным («Друзьям», «Н.И. Кривцову») – возможно, в сочетании с «Пиром во время чумы».

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи...
...И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел,
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

Все эти перекрестки и встречи страшно глубоки и значительны. Какие-то колодцы смысла.

8 сентября

А сегодня мой конкурент догнал меня и поравнялся на 95-м номере.

У меня все время такое чувство к природе – к воздуху, листьям, дождю, точно она все видит, понимает и хочет мне помочь, очень хочет, но только не может.

А вы, хоть и жалуетесь на проказы Егорушки, все же не забывайте: детство, ребенок! – да ведь это же Царство Божие на дому! Оно у них из глаз смотрит.

9 сентября

Что-то ты, моя Маша, опять мне мало пишешь, а я тем временем освоился на своей новой работе и занимаюсь уже не только смазкой, но и прикручиванием проволокой разных железок к своим трубам, а также – когда не хватает рабочих – погрузкой и перевозкой тоже разных железок. Смазывать-то теперь мне реже всего приходится, и это занятие стало самым приятным. В общем, не мед, но вполне терпимо и значительно лучше упаковочных дел, где все время висел дамоклов меч невыполнимой нормы и кажущегося нежелания ее выполнить.

Десны тоже начали постепенно улучшаться и болят мало. Должно быть, от твоего «Поморина» или нервочки пришли в равновесие. Так что если ты еще не посылала мне соду, то и не посылай до особых распоряжений.

Начал – по две фразы в неделю – придумывать про Пушкина, и получается хорошо, и это я тебе напишу отдельным блюдом через несколько месяцев, если будет возможность развить эту тему по способу Робинзонады. (Кстати, цитату из Хлестакова тоже не присылай – я ее здесь нашел.) А пока, чтоб не вовсе упускать из виду литературной специальности, буду тебе рассказывать про что-нибудь еще – только в самом первичном и невозделанном стиле.<...>

Угадай, Машенька, про что я собираюсь сейчас тебе рассказать. Ни за что не догадаешься. А хочу я слегка затронуть непонятную нам античность (!). Вот я до чего докатился в своем одиночестве. И даже намерен снабдить эти домыслы несколькими цитатами, которые могут когда-нибудь пригодиться.

Вероятно, идея «рока», «воли богов» и т.д. играла в античном мире совершенно другую роль, чем в христианстве с его бездной таинственного и непознаваемого. Там, в античности, «знаки судьбы» выглядели куда более определенно, четко, доступно и расценивались не как исключение из повседневно-житейских правил, а в качестве их твердого графика, конкретного расписания, нуждавшегося в постоянном узнавании и вычислении. Быть в курсе своей судьбы почиталось делом простым и естественным и составляло главное содержание обряда, в котором важнейшее место принадлежало оракулам, предсказаниям и гаданиям, осуществлявшимся множеством способов. К явлениям, по которым точно, как по радио, узнавали волю богов, относились сны, голоса, приметы, жертвы, вещие птицы и весь этот гадательный аппарат содержался не в тайне, а на виду – в центре и на поверхности античного общества. Посмертно защищая Сократа от обвинений суда, Ксенофонт, например, заявлял («Воспоминания о Сократе», кн. I, гл. 1): «Что касается первого пункта обвинения, будто он не признает богов, признаваемых государством, какое доказательство этого они привели? Жертвы он приносил часто как дома, так и на общих государственных алтарях – это все видали, к гаданиям прибегал – это тоже ни для кого не было тайной».<...>

Отправил тебе денежный перевод, оставив на счету что-то около 20 руб., которые, по уверению старожилов, могут еще мне пригодиться, если, к примеру, в текущее шестилетие доведется лежать в больнице или мыкаться по пересылкам и переезжать на новое место. Мне вообще не рекомендовали расставаться с деньгами, но это было бы уж слишком запасливо, да ведь не исключено же и такое, что когда-нибудь я заработаю что-то своими силами.

А взяла ли ты деньги с другого перевода? Забери непременно.

А интересующий тебя адрес: М. Левшинский пер., 3, кв. 7б (хотя, говоря между нами, если тема «благодеяний» угасла, то и не след ее разжигать).

В твоем долгом отсутствии несколько меня подбодрил журнал «Простор», по которому можно было узнать дату отправки. Поздравь от меня Вику (Виктория Швейцер. – **М.Р.**) с долгожданной статьей, в которой достаточно сказано правильного и умного. К сожалению, ей пришлось слишком часто заниматься простой демонстрацией незнакомого материала, но на первых порах и такое ценно. Хотелось бы только (этого можешь не передавать), чтобы в решении темы каким-то дальним прицелом *стиля* больше стояло что-то вроде «эпоса и лирики современной России». Все-таки для искусствоведа задача «как сказать» имеет в идеале почти такое же значение, как и для художника. В широком смысле – не все ли равно, какой предмет мы описываем, – закат над рекой или писателя, пишущего про этот закат?

Рисунки Марии Розановой, которые она посылала мужу в письмах в лагерь.

12 сентября

Любимая и родная моя женщина!

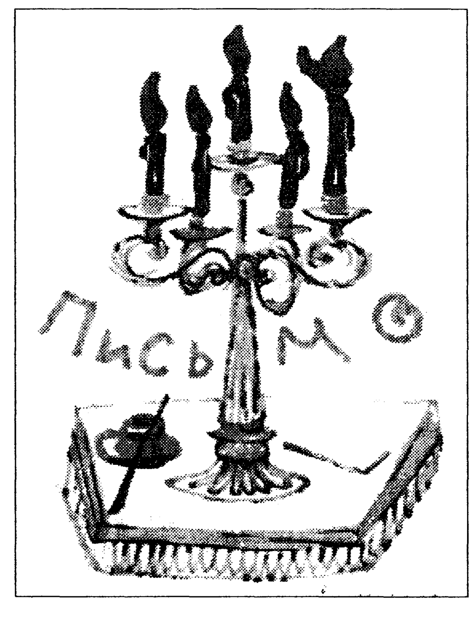
Вчера с утра безо всяких на то видимых причин у меня появилось хорошее настроение, а потом на работе я встретил маленького паучка, а за обедом – божью коровку, которая улетела. И вот в итоге всех этих магических действий вечером – после восьмидневного перерыва – я получил от тебя сразу пять писем – по сотое включительно (итак, мы выиграли все-таки со счетом 100:99). И весь вечер, как гурман, предавался этому увесистому и увлекательному (по уши) чтению, так что даже больше ничем другим не занимался.

Теперь в голове у меня сразу целая куча ярких впечатлений и нежных мыслей, и я не знаю, с чего начать и как все это выразить. Начну с того, что я тебя совершенно обожаю. И твои свежие письма (за исключением известия о беде с петровской Машкой) меня страшно радуют, успокаивают, вдохновляют и потешают. Ты в них неотразима, как в новом платье.

Год без тебя, про который тебе хочется услышать, оказался на самом деле годом прихода и припадания к тебе, которое с первых же дней все растет и возрастает, и невозможно представить, чем это кончится ко времени окончания срока. Наверное, я буду тебя любить, как Ромео и Джульетта (вместе взятые).

Я по тебе жутко изголодался, Машка, – и физически, и духовно, и всяко. Вот ты говоришь – профессионально поговорить не с кем. А я вообще ничего не представляю из вещей, для меня желанных, кроме как с тобою и для тебя.

Но, конечно же, серьги на твоих фотографиях остались незамеченными (я же занимался тем, что промеж них расположено), пока ты не спросила, и тогда я посмотрел



еще раз и увидал и сейчас могу с уверенностью сказать, что серьги в самом деле тоже очень красивые.

А сотню писем я получил целиком и в полном составе, без пропусков.

А про кино мне было читать очень занятно, тем более что давно не видел новых кинофильмов и плохо представляю, какие они из себя.<...>

Мне все-таки на расстоянии кое-что трудно вообразить и, видимо, нужны какие-то живые, конкретные детали в твоих письмах и рассказах, чтобы я ощутил реально поведение людей, течение месяцев и кинофильмов. Я, например, до сих пор не умею понять некоторых вещей в позиции Ларки (Лариса Богораз. – **М.Р.**) и ее друзей, желающих оставаться моими добрыми знакомыми и в то же время все делающих навыворот, «по-своему» в отношении тебя и меня. Как будто я говорю в пустое пространство или я слабоумно-больной, которого надо перетолковывать и поправлять. А я говорю, прямо обращаясь к ним, что строить свои догадки и версии – нелепо; а то, что я пишу своей жене, то и есть правда и искренняя просьба и, если угодно, завещание.

Я не знаю другого более близкого мне человека, чем Марья, и не только в общеупотребительном значении «жены», но в качестве наиболее понимающего меня существа, наиглавнейшего друга (включая весь мужской пол), способного с полуслова и наиточнее всех выразить мою волю. У нас разница характеров, темпераментов, но это ничего не меняет в *существе* дела. Поэтому и просил, и прошу в ее лице принимать меня и мои пожелания, а коли «не нравится» – я не навязываюсь, но только, очевидно, друзьям, не согласным с этим фактом, придется перестать быть друзьями. И обращаясь персонально к Ларке, я еще вот что хочу сказать: как могут второстепенные вещи заслонять главное и как можно заниматься спором на тему кто кого любит – не любит, когда надо просто помогать друг другу, не обижаясь на какие-то не так произнесенные фразы?

17 сентября

За эти дни еще получил 3 твоих письма, и вот уже время отправлять это, а надо еще многое высказать, и я, как водится, опять не поспеваю.

В толковании снов, Машечка, надо знать, что воскресные сны – пустые, а у тебя как раз (я высчитал) сон с неприятностями был этого рода. А действительные сны – с четверга и на четверг. И потому не будь дурой.<...>

Я очень обрадовался, что ты надела мои часы: мне показалось, как будто это я взял тебя за руку и держу все время и не отпускаю.

А у меня – несчастье: потерял при погрузке шариковую ручку, которую я очень любил и лелеял. Вывесил объявление с обещанием награды нашедшему – но пока безуспешно. Если когда-нибудь тебе представится возможность добыть еще такую милую ручку, – добудь. Главное – трубочек еще полно, а вставлять некуда. И вот корябаю самопиской.<...>

Моя новая работа на самом деле лучше и легче прежней. А выражаюсь я не совсем ясно лишь потому, что мне еще не вполне ясен круг моих обязанностей, который в принципе может как-то расшириться, видоизмениться, а может и застыть на смазке и прикручивании крышек, к чему я лично более склонен и расположен. Тут существует идея, что было бы еще лучше, если бы я смог зарабатывать хорошие (разумеется, относительные) деньги и помогать тебе материально. Конечно, это хорошо было бы, но заработок обычно связан с трудоемкими или квалифицированными технически работами, к которым я мало способен. И потому я не рвусь за заработком. А ты как считаешь?

(А это дождик капает на страницы.)

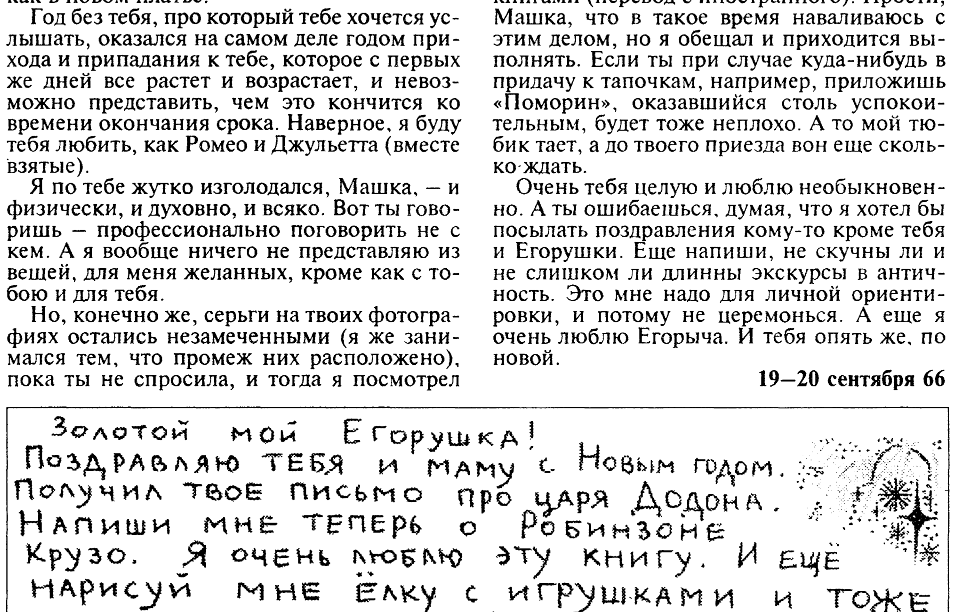
Администрация проявила обо мне большое внимание и мне чуть ли не предлагали любую работу по моему выбору и усмотрению. Я выбрал в первую очередь переплетное дело, а когда в этом отказали – остановился на шнеках, где я нахожусь сейчас. И это меня устраивает. Видишь ли, в заводских условиях трудно найти что-то «по мне» в полном смысле слова. Приходилось выбирать между более-менее чуждыми мне занятиями.<...>

Погода вновь завернула на дожди с холодами, и я со страхом представляю, как ты сейчас мечешься между двумя детьми в дачном положении, где надо и печь топить, и воду носить. А чем угрожает болезнь Машке-маленькой и чего ей нельзя делать? Забыл также спросить, как назвали Колиного младенца.

Жду бандероли с бумагой, чернилами, ручкой большой и маленькой (необязат.) и книгами (перевод с иностранного). Прости, Машка, что в такое время наваливаюсь с этим делом, но я обещал и приходится выполнять. Если ты при случае куда-нибудь в придачу к тапочкам, например, приложишь «Поморин», оказавшийся столь успокоительным, будет тоже неплохо. А то мой тюбик тает, а до твоего приезда вон еще сколько ждать.

Очень тебя целую и люблю необыкновенно. А ты ошибаешься, думая, что я хотел бы посылать поздравления кому-то кроме тебя и Егорушки. Еще напиши, не скучны ли и не слишком ли длинны экскурсы в античность. Это мне надо для личной ориентировки, и потому не церемонься. А еще я очень люблю Егорыча. И тебя опять же, по новой.

19–20 сентября 66



Золотой мой Егорушка!
Поздравляю тебя и маму с Новым годом.
Получил твое письмо про царя Додона.
Напиши мне теперь о Робинзоне
Крузо. Я очень люблю эту книгу. И ещё
нарисуй мне ёлку с игрушками и тоже
пришли по почте. Целую тебя.
20 декабря 1970 года. Папа.

ДРУГИЕ БЕРЕГА

СТЫД И СРАМ, ТОВАРИЩ АБРАМ!

«Подумаешь, если я другой, так уж сразу ругаться...» – говорил герой рассказа «Пхенц»

После Международной конференции «Русская литература в эмиграции: Третья Волна» (Лос-Анджелес, май 81-го) Сергей Довлатов писал: «Андрей Синявский меня почти разочаровал. Я приготовился увидеть человека нервного, язвительного, амбициозного. Синявский оказался на удивление добродушным и приветливым. Похожим на деревенского мужичка. Неловким и даже смешным. На кафедре он заметно преображается. Говорит уверенно и спокойно. Видимо, потому, что у него мысли... Ему хорошо <...> Все ждали, что Андрей Донатович будет критиковать Максимова. Ожидания не подтвердились. Доклад Синявского затрагивал лишь принципиальные вопросы».

Рисунок, тогда же сделанный С. Довлатовым (см. ниже), как нельзя лучше передает характер Андрея Донатовича. Тем не менее кипение страстей вокруг него не стихало никогда. Ибо эмигранты унесли на подошвах своих сапог только то, что могли унести, – не больше, но и не меньше... «Туретчина... Эмигрантский плен... Со своими князьями. Со своим Парижским обкомом. Со своим Вермонтским ЦК, – говорит Мария Розанова. – Теперь наши друзья, кажется, начинают понимать, что общий враг еще не означает общего дела и что объединяемся не только по признаку общей войны, а вокруг созидания. И разделяемся точно так же.

И вот эта проблема – что же мы хотим построить и как сделать – разделила в эмиграции Павла Литвинова и Алика Гинзбурга, Андрея Синявского и Александра Солженицына. Вдруг выяснилось, что враг у нас был общий, а вот идеалы (высоким слогом), задачи – разные». Что подтверждают опубликованные в августе 1981 года Обращение Павла Литвинова и написанная вослед ему статья Бориса Шрагина.

ОБРАЩЕНИЕ К ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ПИСАТЕЛЬ Владимир Максимов на страницах своего журнала (Континент, № 28, стр. 407–408) по существу назвал русского литератора, бывшего советского политзаключенного Андрея Синявского неорасистом, фашистом, последователем расовых теорий Розенберга.

Я обращаюсь к авторам, редакторам, читателям «Континента» и не в последнюю очередь к членам его редакционной коллегии: потребуйте у Максимова недвусмысленного публичного извинения перед Синявским.

Я предлагаю, в случае, если Максимов откажется извиниться, прервать всякую форму сотрудничества с ним и его журналом.

Павел ЛИТВИНОВ
«Новый Американец», № 76

ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?

В финальной сцене «Матери» – по Максиму Горькому, но в постановке Юрия Любимова на Таганке – Павел Власов выходил с непомерным флагом в руках. Вразрез с версией оригинала массы за ним не следовали. При затаенно мучительной тишине зрительного зала герой вышагивал по обнаженной сцене – один раз, другой, третий, прислушивался: нет ли кого за ним? Никого не было.

Не возьму ответственность утверждать это категорически, но мне показалось, что в том спектакле была представлена иная драма – не большевика-рабочего, не вожака разгневанных трудящихся, а физика и энтузиаста защиты прав человека, не Павла Власова, а Павла Литвинова. Перед тем незадолго Павел Литвинов был приговорен к пяти годам Сибири за демонстрацию против вторжения советских войск в Чехословакию.

В таком случае одиночество героя было в Театре на Таганке все-таки преувеличено. Конечно, «молчащее большинство», как ему и положено, молчало. Одним было наплевать, другим было недосуг, третьи опасались неприятностей, четвертые, кто про себя, кто явно, приветствовали и одобряли. Но все-таки жил тогда Павел Литвинов в среде друзей и единомышленников.

Зато созданный на Таганке устыжающий образ оборотился действительностью много позднее, уже в эмиграции, при нашем присутствии.

Когда завершился судебный процесс Александра Гинзбурга и его подельников, когда за публикацию «Белой книги по делу А. Синявского и Ю. Даниэля» Гинзбурга приговорили к пяти годам строгого режима, в тот же час у дверей суда Павел Литвинов вместе с тогдашней женой Даниэля Ларисой Богораз-Брухман обратился через иностранных корреспондентов к мировой общественности с призывом протестовать. Это обращение подняло на Западе и в СССР так называемую «подписную кампанию», в которой участвовало около тысячи человек, что по советским условиям грандиозно.

Теперь Павел Литвинов снова обратился к нашей общественности.

И что же?

Обращение, разосланное во все основные печатные органы нашей эмиграции, опубликовал только «Новый Американец».<...>

Первый импульс нашему правозащитному движению был дан арестом, судом и последующей судьбой писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Впервые за десятилетия подсудимые в советском политическом процессе, который стал достоянием широкой гласности, твердо ответили на традиционный вопрос судьи: «Нет, виновным себя не признаю, ни полностью, ни частично». Именно кристальная ясность случая и явная несостоятельность обвинения дали почву для первого нашего коллективного выступления в защиту чести писателя, свободы слова, за неотъемлемые права человека.

Суд проштамповал приговор: Синявского к семи годам лагерей строгого режима, Даниэля – к пяти. Но полная моральная победа осталась за ними и теми, кто встал на их защиту.

...До тех пор, пока Андрей Синявский почти прямо из лагеря не вынужден был эмигрировать. Вскоре в русской эмигрантской прессе, уже без подталкивания КГБ и ЦК КПСС, когда никого за язык не тянули, самостийно и самопроизвольно, не сверяясь, видимо, с оригиналом, многие принялись истово вторить словам и тезисам обвинительного заключения по делу Синявского и Даниэля, былым инсинуациям «Правды», «Известий» и «Литературной газеты». Снова, без передышки и перехода, попал Синявский в русофобы и антипатриоты, снова клеймят его за прислужничество перед Западом, снова винят в глумлении над русским народом и русской классической литературой. Разница ситуации сказалась лишь в одном: в СССР Синявский ходил в прислужниках империалистической пропаганды, по страницам русской эмигрантской прессы рассыпались намеки, будто Синявский – наймит КГБ.

Скажут, что теперь Синявскому не грозит тюрьма, как бы его ни обзывали. Но разве в этом есть хоть крупица нашей с вами заслуги?<...> В том, что Синявский, слава Богу, жив и не в тюрьме, нашей заслуги тоже нет.

Я не намерен изобличать кого бы то ни было в неизжитой «советчине», как это стало обычаем в невысокого полета эмигрантской публицистике. В травлю Синявского внесли свою щедрую лепту не только третья, но и вторая, и первая «волны». Не только Владимир Максимов или, допустим, Александр Глезер, но и Андрей Седых, и Роман Гуль, хотя последние вовсе не испытали на себе воздействия советской дрессуры.

Когда Синявский читал в Нью-Йорке лекцию о протопопе Аввакуме, перед Колумбийским университетом пикетировала дама-сэндвич. Грудь ее была украшена злобными стихами:

Стыд и срам,
Товарищ Абрам!

Дама была еще из белой эмиграции, а под «товарищем Абрамом» подразумевался известный псевдоним Синявского – Абрам Терц.

Мне припомнились тогда слова из письма искусствоведа Юрия Герчука, написанного как отклик на статью Дм. Еремина «Перевертыши» в «Известиях»: «Еще одна характерная для Еремина частность. Он пишет: «Русский по рождению, Андрей Синявский прикрывался именем Абрама Терца. Зачем? Да только с провокационной целью...» и т.д.

Я знаю многих советских писателей-евреев, чьи псевдонимы звучат вполне по-русски. Почему же русский автор, назвавшийся именем и фамилией, напоминающими еврейские, должен вызывать такой гнев? У белой дамы и советского ортодокса Еремина невзначай проступил общий душок.

Когда Синявский опубликовал написанную им в лагере книгу «Прогулки с Пушкиным», Роман Гуль поторопился откликнуться статьей «Прогулки *хама* с Пушкиным». Мало того, что это сочинение вышло в свет в собственном Романа Гуля «Новом журнале», Андрей Седых размножил ее и в собственном «Новом русском слове». Глубокомысленная концепция разгневанного критика сводилась, помнится, к следующему. Большевики ненавидят русский народ. Поэтому даже в лагере они предоставили Синявскому поблажки и досуг в вознаграждение за то, что он унизит «нашего русского Пушкина».

Мало удивительного, что представления о советских идеологических установках заморозились у Романа Гуля где-то на стадии РАППа и сохранялись в свежести более полстолетия. Удивительно то, что брань Романа Гуля совпала по тону и адресату со статьей того же «большевика» Дм. Еремина «Перевертыши» в «Известиях». В преддверии суда над Синявским и Даниэлем он писал: «Ничто им не любо в нашей стране, никаких святынь не чтят они... в настоящем и прошлом. Подумайте только, что они написали об Антоне Павловиче Чехове, замечательном русском гуманисте... Только предельное бесстыдство может двигать пером, которое...» и т.д. Не столь уж существенно, думаю, что Роман Гуль оборонял Пушкина, а Дм. Еремин – Чехова. Важно то, что они оба единым фронтом встали за «святыни» русской классики против нечестивца Синявского.

В своем последнем слове на суде Синявский говорил: *«Вот у меня в неопубликованном рассказе «Пхенц» есть фраза, которую я считаю автобиографической: «Подумаешь, если я другой, так уж сразу ругаться...» Так вот: я другой... В здешней наэлектризованной фантастической атмосфере врагом может считаться любой «другой» человек. Но это не объективный способ нахождения истины»*.

Что Синявский оказался «другим» т а м, что его объявили поэтому «врагом» русского народа и «фашистом», а затем отправили в лагерь – это понятно. Не он первый и, увы, не он последний. Но, скажите на милость, почему же он воспринят как «другой» з д е с ь, почему и з д е с ь вокруг его имени и творчества возникла такая же наэлектризованная атмосфера малолитературной ругани? Если Синявский был «другим» там и остался «другим» здесь, то, значит, между тамошней и здешней – эмигрантской – атмосферой есть кое-что общее?

И заметьте, ни разу, н и р а з у никто словом не обмолвился в защиту Синявского. Я бы и на себя взял этот грех, если б не факт, что до появления «Нового Американца» возражать против поношений Синявского в русской эмигрантской прессе было не более возможно, чем в прессе советской. Даже те, кто некогда в более тяжелых условиях отстаивал честь и свободу писателя, кто готов был за это поплатиться, предпочитают в эмиграции безмолвствовать по этому поводу, а то, поддаваясь всеобщему ажиотажу травли, и свой камень кинуть.

Если бы пятнадцать лет назад, когда на жгучем морозе мы днями простаивали перед зданием суда, где имитировалось правосудие над Синявским и Даниэлем, если бы нам сказали тогда, что Синявского снова обзовут «неорасистом», и на сей раз без всякого участия КГБ, что при этом наши тогдашние единомышленники либо одобрительно, либо равнодушно смолчат, – ну кто бы этому поверил?

В борьбе вокруг дела Синявского и Даниэля наша свободомыслящая общественность особенно настаивала на том, что обвинение писателей сплошь строилось на выдернутых из контекста и передернутых цитатах. Игорь Голомшток писал, например, тогда в Верховный Суд СССР о «чудовищных текстуальных передержках и открытой клевете». И вот теперь, через пятнадцать лет, в условиях свободы, мы сталкиваемся с фактом, что новое идеологическое поношение того же писателя Синявского держится на о д н о й цитате из интервью, которое он дал западногерманской газете «Ди Цайт» по поводу столетия со дня смерти Достоевского. Вот эта цитата: «Но, конечно, как человек общества, русский всегда остается рабом».

Не моя задача сверяться с оригиналом и выяснять контекст. Гораздо интереснее посмотреть на текст Максимова в «Континенте» глазами читателей статей Дм. Еремина и Зои Кедриной, которым были предоставлены одни цитаты, но отнюдь не произведения «перевертышей», «наследников Смердякова» – то есть Синявского и Даниэля. Для меня достаточно, что использованная Максимовым одинокая цитата начинается отрицающим союзом «но». Следовательно, по чисто грамматическому смыслу, мысль этой фразы противопоставлена чему-то противоположному или дополняет какую-то другую мысль? Что она вообще значит? Какое отношение она имеет к Достоевскому, о котором, по всем вероятиям, и вел речь Синявский?

Между тем, подпрыгивая на приведенной цитате, как на большом лыжном трамплине, Максимов выражается так: «Брань А. Синявского и его единомышленников у русского народа и его литературы (?!) на вороту не повиснет», «подобные неорасистские пакости», «гнусная розенберговская демагогия» и т.д.

Повторяю, я не буду сверять использованную Максимовым цитату из интервью Синявского о Достоевском с полным текстом. При надобности я готов сделать такой анализ в будущем. Со взглядами Синявского по тому или иному вопросу, как и со всякими взглядами, можно соглашаться, а можно их оспаривать. Но не об этом сейчас речь, потому что в данном случае мы имеем дело не с критикой, не со спором или полемикой, а с п о н о ш е н и е м.

Допустим, использованная Максимовым цитата самодостаточна и означает именно и только то, что в ней высказано. Следует ли из этого, что Синявский «неорасист» и «поклонник Розенберга»? Оправдывается ли ею та чрезвычайно сильная лексика, к которой прибег Максимов?

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О чем это? О России. Кто это писал? Родоначальник русского славянофильства Алексей Хомяков. И заметьте, очень задолго до немецкого расизма и Розенберга.

Патриотизм, любовь к своему народу могут быть столь же слепы, как и самодовольны. В таких случаях любая критика имеет шансы на цензорский окрик. За любовью к народу часто прячется любовь к самому себе и склонность лелеять собственные пороки. Национальное самоудовлетворение может быть рождено действительным равнодушием, замалчиванием пороков, которые, вероятно, чреваты исторической катастрофой.

Все это было и оставалось в России – неэмигрантской и эмигрантской. Но столбовая дорога русской мысли и литературы была иная. Любовь к России рождала боль, отчаяние, горечь. Лучшие русские писатели предпочитали сарказм славословию. За это они были и остались гонимы. При чем же тут «неорасизм» и Розенберг?

Приходится признать, что сравнение с Дм. Ереминым и Зоей Кедриной оказывается не в пользу Максимова. В контрасте с техникой его критики оба эти автора выглядят чуть ли не мастерами полемического искусства. Роднит их с Максимовым в данном случае заведомое, заданное неуважение к автору, которого они взялись поносить, неуважение к читателю, к его способности независимого суждения и в конечном счете неуважение к самим себе, ибо СТЫДНО так писать. Неуважение к человеческому достоинству – вот что продемонстрировал нам Максимов, вот какое наследие прошлого он для нас сберег.

Андрей Синявский – замечательное, международно признанное явление современной русской литературы. Возьмем «Белую книгу» Александра Гинзбурга и перечитаем несколько из приведенных там отзывов иностранной печати.

«Суд идет» – может быть, самый замечательный роман, написанный в России за 43 года после революции» («Тайм»). «Это не соцреализм. Это использование широкого спектра литературных приемов для показа того, какой была в некоторых кругах советская жизнь в последние дни Сталина» («Нью-Йорк таймс»). «У Терца блестящий литературный ум, глубоко воспитанный в интеллектуальной европейской тра ции, и великолепный поэтический стиль прозы» («Харперс мэгэзин»). «Стиль Абрама Терца – исключительно умелая смесь реализма и сюрреализма, в котором компоненты усиливают друг друга» («Провиденс джорнал») и т.д.

Конечно, Дм. Еремин и Зоя Кедрова могли без труда возразить, что все это писалось наемниками капитала. Но что же может сказать Владимир Максимов?

Андрей Синявский редкостно соединил в себе большого писателя и выдающегося литературоведа такой глубины и масштаба, каких немного знает русская научная традиция. В «Белой книге» Александр Гинзбург опубликовал почти предсмертное письмо Бориса Пастернака, обращенное к Синявскому: «С какой счастливой законченностью поняли вы все главное во мне! И как до конца, без остатка, прозрачно и стройно изложили, развили и разъяснили!.. Собственно, достоинства статьи (помимо того, что она написана обо мне) отнимают у меня всякую надежду на то, что ее примут у Вас, одобрят и, не искромсав, напечатают... Но если когда-нибудь положение изменится, Ваш разбор, с моей точки зрения, не будет иметь соперников по проницательности, Вашей восприимчивости, по содержательности мысли и литературной живости формы».

Андрей Синявский – это живая история борьбы 60-х годов за углубленное самосознание, за свободу мысли и слова, за права и достоинство человека. Он прошел следственную тюрьму КГБ, громкий политический процесс и шесть лет лагерей. Он вышел из всех этих испытаний с незапятнанной репутацией, сохранив уважение своих товарищей по несчастью, советских политических заключенных.

И вот Владимир Максимов об руку с упомянутой дамой-сэндвичем, Романом Гулем, Андреем Седых и проч., не утруждая себя поисками весомых аргументов, причисляет Синявского к неким эмигрантам, которые, «кто по глупости, а кто из шкурных соображений», предались «неорасизму» и клевете на русский народ.

Давайте подумаем: насколько же беззащитнее перед концентрированным заушательством может оказаться в нашей эмигрантской среде каждый, кто менее бесспорно заслужен и защищен славой?

Оплеван самый источник нашего правозащитного движения, сила которого до сих пор была в том, что оно нравственно чисто.

«Самое сильное и тяжелое обвинение, которым писатели риторической школы думают окончательно уничтожить Гоголя, состоит в том, что лица, которые он обыкновенно выводит в своих сочинениях, оскорбляют общество... Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования». Это писал Белинский в «Ответе Москвитянину». Но эти же слова взял как эпиграф Александр Гинзбург для своей «Белой книги по делу А. Синявского и Ю. Даниэля».

Пятнадцать лет назад было достаточно ясно, какие ценности, какие традиции русской литературы следовало во что бы то ни стало защищать.

А теперь честное Обращение Павла Литвинова кануло при всеобщем безмолвии как в омут.

Что же со всеми нами стряслось в эмиграции? Почему белое вчера сходит у нас за черное сегодня? Почему теперь мы безропотно смиряемся с точно такими же оскорблениями писателя, защита чести и свободы которого так много значила для нашей свободы?

Что сей сон значит?

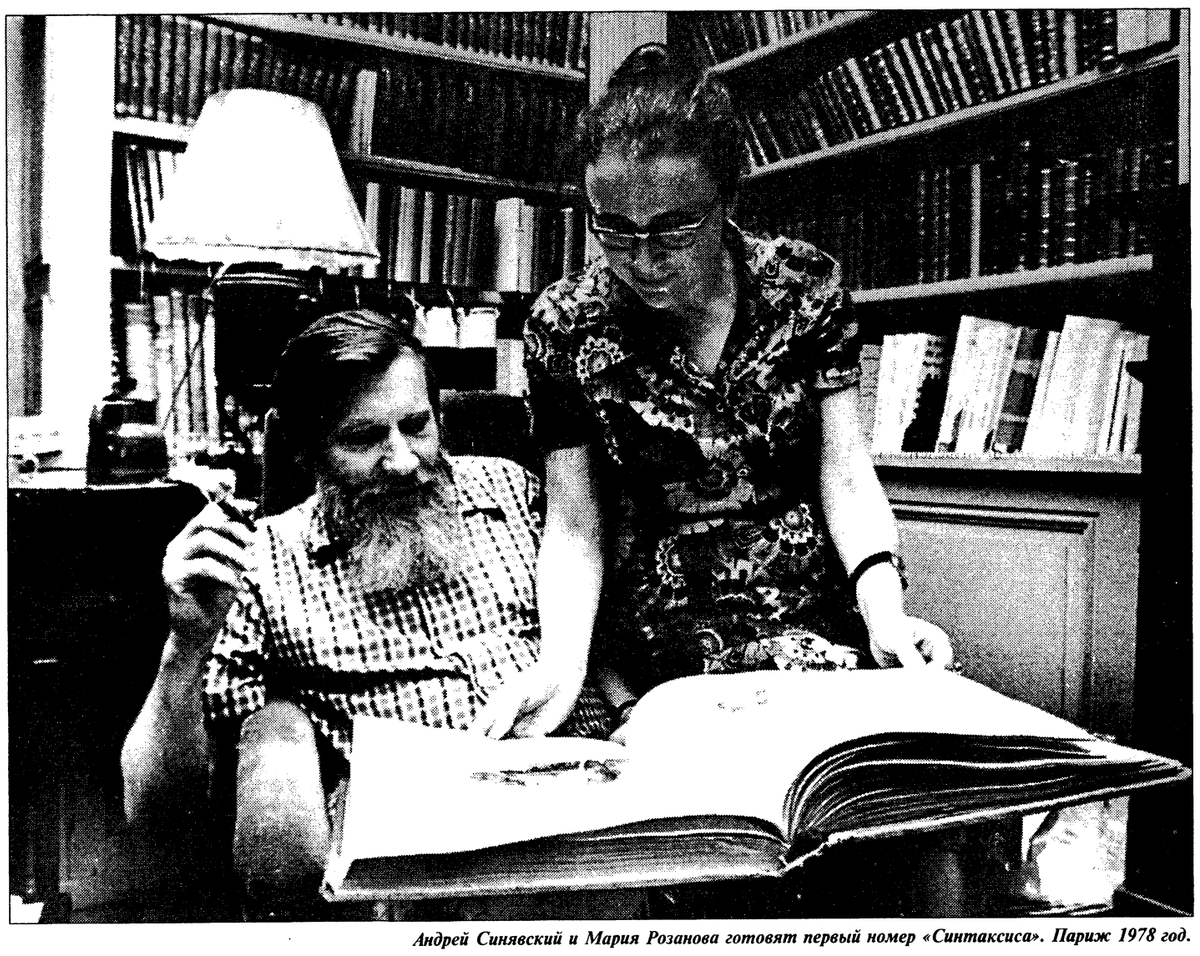
Борис ШРАГИН
«Новый Американец», № 78

ЧТО ТАКОЕ ЭМИГРАЦИЯ? ЧТО ТАКОЕ ЭМИГРАЦИЯ?

ЧТО ТАКОЕ ЭМИГРАЦИЯ?

Журнал "Синтаксис" приглашает своих читателей обсудить следующие вопросы:

- *Создала ли третья эмиграция свои собственные культурные и духовные ценности?*
- *Сохраняют ли люди, прожившие в эмиграции более десяти лет, живое чувство связи со своей страной, способность понимать ее сегодняшний день и отличие его от дня вчерашнего?*
- *Почему вернулась Светлана Сталина?*
- *Что такое русская эмигрантская пресса, каковы ее задачи и насколько она свободна?*



Андрей Синявский и Мария Розанова готовят первый номер «Синтаксиса». Париж 1978 год.

СМЕРТЬ СИНЯВСКОМУ!

Как в эмиграции отличали «русское» от «советского»?

Наталья Рубинштейн

«У МЕНЯ с советской властью только стилистические разногласия». Не сосчитать, сколько раз Андрея Синявского прорабатывали в передовой эмигрантской прессе за эту фразу. Верный ленинец Владимир Буковский и по сей день не простил ее покойному писателю. Правда, он, как и все другие оппоненты, так никогда ее и не понял. Стилистические разногласия означают биологическую несовместимость, различия в составе крови, неприятие помпы, кривды и обязаловки. Вот и лозунги можно сменить, и Верховный Совет заменить парламентом, а генсека – президентом, можно вместо БАМа затеять великую стройку храма Христа Спасителя, а стилистические разногласия все никак не уходят, остаются.

Это отчасти ответ на вопрос, почему Синявский и в новые послегорбачевские времена оказался непримиримым критиком отечественной действительности. В этом ответ на вопрос, который часто задавали эмигрантам: что там у вас Максимов с Синявским не поделили? Синявский разошелся с «Континентом» на пятом номере из-за чисто стилистических разногласий. Тогда же он получил выговор от Солженицына и взбучку из дома Чуковских за фразу *«Россия-мать, Россия-сука...»* и был зачислен ими в русофобы. Хотя не верится, чтобы эти святые нашей литературы никогда не слышали о любви-ненависти к родине у Некрасова или, скажем, Блока и сами никогда не испытали бы подобного чувства. Что они чувствовали наверняка и не ошибаясь, так это несовместимость их литературной природы с литературой Терца-Синявского.

Нравы тогда в нашей эмиграции были строгие. Политическая корректность на высоте. Требовалось, например, четко различать между *русским* и *советским*. Танки, вошедшие в Прагу в 1968-м, были исключительно и только *советские*. Зощенко же или Булгакова полагалось называть *русскими* писателями, а никак не *советскими*. Советский Союз простительно было бы назвать *сукой*, Россию же – ни за что и никогда.

Потом был разгул и улюлюканье из-за «Прогулок с Пушкиным», когда все кому ни лень кинулись на защиту классика от хулигана Абрама Терца. Выяснилось, что Пушкин и у старейшин русского зарубежья, и у новых эмигрантов все еще, как во времена футуристских гастролей Маяковского по России, проходит по разряду начальства, которого лучше не касаться. Разгул эмигрантских страстей показался известному слависту Мишелю Окутюрье знаменательным, приоткрывающим завесу над некими особыми свойствами интеллигентской русской среды, над чем-то коренным, снимающим удобное разделение между *русским* и *советским*. В 1981 году в Лос-Анджелесе на конференции славистов профессор Мишель Окутюрье сделал доклад «Второй суд над Абрамом Терцом».

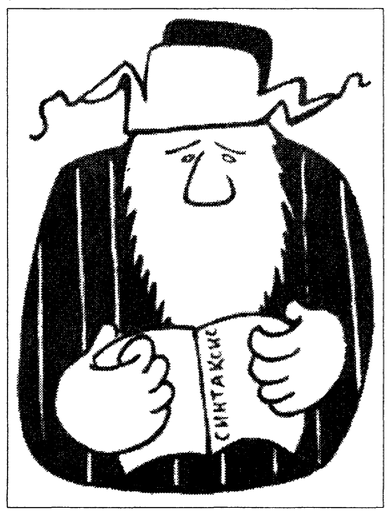


Рисунок Сергея Довлатова. Лос-Анджелес. Май 1981 года.

Недавно в частном застолье, когда бойцы вспоминали минувшие дни, эмигрантский писатель, приземлившийся в Париже в конце семидесятых годов, припомнил, как его чуть ли не прямо с воздушного корабля пригласили на день рождения в Монжеронский замок. День рождения был у *искусствоведа в диссидентском* Александра Глезера, и среди многих здравиц во славу виновника торжества, а также тостов в честь тогдашнего эмигрантского градоначальника Владимира Емельяновича Максимова Глезер громогласно воскликнул, подняв бокал: «Смерть Синявскому!» Пораженный новичок увидел, как французские участники праздника, смутившись, поставили рюмки на стол. Сам он начал было, что нельзя же про живого, про русского писателя... И увидел, что нравы здесь строгие: главный помрачнел лицом и насупился. *Русские* гости, не *советские*, смущения не испытывали или, во всяком случае, не показывали...

Статья Бориса Шрагина из газеты «Новый американец» от 29 августа 1981 г. хорошо доносит атмосферу непримиримости и озлобления, в которой приходилось работать и дышать Синявскому. Впоследствии по вновь открывшимся документам родимого сыскного департамента выяснилось, что кампания по шельмованию и травле Синявского направлялась оттуда. Думаю, что там старались напрасно, не доверяя природе и привычкам русских и советских передовых кругов. Они и сами справились бы отлично. Последняя антисинявская кампания была развязана у всех на глазах в начале 90-х годов. Бориса Шрагина – одного из самых вдумчивых и склонных к трезвому взгляду на круг публицистов эмиграции – уже не было в живых, чтобы спросить: «Что сей сон значит?»

Лондон

СТИЛЬ ЖИЗНИ

РОМАН ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

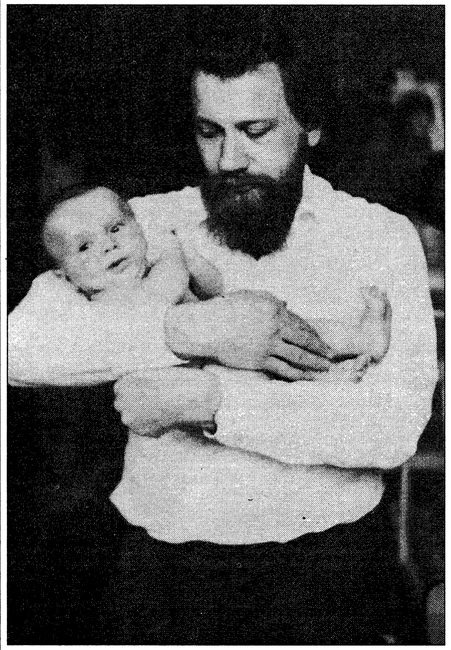
О последней книге Андрея Синявского «Кошкин дом»

Наталья Рубинштейн

ПОДЗАГОЛОВКОМ *«Роман дальнего следования»* снабжен последний роман умершего год назад писателя Андрея Синявского (Абрама Терца). «Кошкин дом» не только оказался его последней книгой, но, пожалуй, что и писался как завершающее литературный путь итоговое произведение. Это отчетливо видно в текстах Пролога и Эпилога, написанных уже во время его предсмертной болезни. Да и раньше, в некоторых интервью последних двух лет, он говорил о своем намерении «создать напоследок что-то доброе, положительное и обнадеживающее». Однако мы и на этот раз получили романгротеск с травестией детективного сюжета, и в палитре автора попрежнему преобладают иронические тона.

Действие романа происходит в неопределенно отдаленном будущем. Место действия – Москва, подзабывшая и мифологизирующая свое советское прошлое, но сохраняющая в жизнеустройстве и быте пережитки коммунальных склок и идеологической непримиримости, свойственные эпохе развитого социализма. В стиле жизни, как на московских вывесках, мы видим причудливое сочетание: остаточные советизмы плюс попытки реставрации дореволюционных реалий плюс включение новейших слов и примет из не понятой толком западной жизни. Все это настоян на традиционном отечественном хамстве и пронизано новейшим духом постсоветского тотального беззакония.

Главный герой повествования – отставной одноглазый учитель словесности из школы для взрослых при Московском управлении милиции Донат Егорыч Бальзанов. Его хобби – собирание исторических документов, фотографий и рукописей. И это занятие приводит его в старый московский особнячок, предназначенный на слом и потому уже освобожденный от жителей. Он подбирает брошенные при отъезде дневники и альбомы, вороха писем и рукописей. Яркий свет отключенной от электрической сети лампы – первое звено в длинной цепи чудес – заставляет его ощутить присутствие в доме некой мистической загадки. Он подозревает, что столкнулся со следами особо опасных злодейств. И с этого мига герой берет на себя функции добровольного сыщика, поклявшегося проникнуть в жуткую тайну дома и обнаружить носителя мирового зла. В понимании бывшего учителя Бальзанова жизнь Москвы и России не наладится, пока зло не будет обезврежено. И, таким образом, мы оказываемся в поле действия терцевского фантастического реализма, его всеобъемлющей иронии, в равной мере относящейся и к герою-исследователю, и к результатам его открытий.



23 декабря 1964 года Синявские получили телеграмму следующего содержания: «Сердечно поздравляем семейство заранее включаем Синявского младшего число авторов нового мира – Озерова Койранская Лакшин».

Писатель Абрам Терц успел до посадки подержать в руках будущего писателя Егора Грана. Москва. Апрель 1965 г.

Сюжетная рама позволила писателю организовать роман как литературный коллаж, куда вошли образчики различных прозаических жанров – от коротких новелл в стиле черного абсурда до больших пародийных текстов, тревожащих тень Толстого и литературное имя живого классика Солженицына. Подобно художнику, который, заполнив холст многофигурной композицией, находит в уголке место и для собственного профиля, Синявский вставляет в свой коллаж себя самого в качестве десятистепенного внесюжетного персонажа.

В ходе бальзановского расследования выясняется, что мировое зло скрыто в бесе литературного творчества, вселяющемся то в одного, то в другого героя романа и затем по прихоти покидающем их, оставляя уже совершенно непригодными для жизни. Бальзанов теперь везде находит следы злокозненного присутствия Колдуна. И даже обнаруживает практест всей мировой словесности в виде невразумительного обрывка, похожего на извлечение из сборника упражнений по иностранному языку. Текст этот называется «Золотой шнурок», и Бальзанов с растущей уверенностью обнаруживает, что этим шнурком прошита вся история литературы.

По ходу романа выясняется, что большинство протагонистов зла в этой жизни – писатели. В противовес пагубной словесности в романе обозначены привлекательные, дорогие сердцу Бальзанова фигуры, принадлежащие одной лишь жизни, – Настя, Супер, подросток Андрюша, собака Матильда. Очаровательная возлюбленная Колдуна Юленька превращается после его исчезновения в ведьму, что подтверждает открытие Бальзанова: словесность губит вокруг себя все живое. Но даже любимый безупречный герой Саша Супер не застрахован от растлевающего вселения Колдуна.

Перед нами старый, поднятый еще Василием Розановым вопрос: насколько великая русская литература ответственна за несчастный ход российской истории? Он поставлен в романе вполне серьезно, хотя обсуждается юмористически.

Подлинный, как бы внутренний сюжет романа «Кошкин дом», скрытый за пародийно-приключенческой фабулой, есть сюжет отношений реальной жизни с конкурирующей действительностью искусства, писателя – с созданным им текстом. Это вечная тема Андрея Синявского, прячущегося за легендарной фигурой Абрама Терца. С точки зрения писателя, у искусства нет вины перед жизнью, но грех действительности заключается в том, что она пускается во все тяжкие, состязаясь с чистым художеством и пытаясь строить себя по законам искусства. В этом смысле роман оправдывает жанровое определение, данное ему автором в подзаголовке, – «роман дальнего следования». Его можно считать выражением прощальной воли писателя, его литературным завещанием. Потому что, сколько можно судить по оставленным им текстам, Синявский в последний период своей жизни не был в восторге от направления, которое принимает жизнь в России, и не был склонен к излишнему оптимизму. Но он был абсолютно уверен в том, что великая русская литература продолжится, какой бы ход ни приняла российская история. ■

Лондон

ЧЕЛОВЕК БЕЗ АТТЕСТАТА – СОВРЕМЕННЫЙ КОШМАР

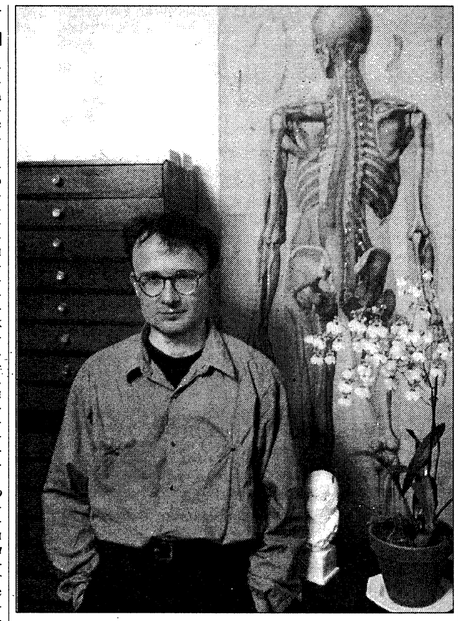
Рецензия на роман Егора Грана «Ipso Facto», опубликованная в журнале «Elle». Париж, 1998, январь

Фабрис Гэньо

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ – пустая бумажка? Прочитав роман Егора Грана «Ipso Facto», вы, возможно, вставите свой в рамочку. Кто знает, не спросит ли о нем ваш начальник...

Об авторе. Большой лоб, большие очки и большое будущее. Его зовут Егор Гран, и это соответствует действительности лишь наполовину – в части имени. Фамилию он взял у жены. Из скромности и желания быть только самим собой он не воспользовался знаменитой фамилией своего русского отца, скончавшегося несколько месяцев назад. Когда родители привезли его в Париж вместе с остальным семейным багажом, Егору было восемь лет. Писать он начал в пять и тогда увлекался Стивенсоном и Дефо. Сегодня он цитирует Селина и Кафку. Неплохой вкус! Ему 32 года. Он окончил Ecole Centrale – Высшую Центральную инженерную школу. В своей заботе о тщательной выстроенности повествования он напоминает Набокова.

О романе. Название – «*Ipso Facto*» («в силу самого факта» – *лат.*). Герой-рассказчик, специалист по игуанодонам, назначен *«заместителем директора отдела траводных мелового периода в Институте палеонтологии»*. Вот-вот он займет свое место на вершине этого комфортабельного Олимпа... Требуется только представить аттестат зрелости. Куда он девался? Увы, без этого ничтожного клочка бумаги специалисту по ископаемым пернатым остается только рвать на себе волосы. Но аттестата нет как нет. И вот уже его честят проходимцем и жуликом И его, никому не нужного диплодока, оставляет жена, он покинут всеми на произвол судьбы и вынужден бежать, лишившись и других документов. *«...свидетельство о браке, семейная книжка, общие банковские счета – в общем, у меня отобрали все, меня вычеркнули из жизни...»*



Егор Гран – французский писатель русского происхождения. Январь 1998-го.

До смешного мелкое происшествие превращает живого человека в реликт, в ископаемое – без настоящего и будущего. *«Помните, ваш аттестат – это вы сами. Утратив его, вы утрачиваете свою божественную сущность»*. Во Франции, в царстве всесильного Диплома, это гротескное утверждение не так уж далеко от истины: ведь Старший Брат прячется в каждом из нас. По Егору Грану, человек сам себе роет яму и попадает в нее, соглашаясь на роль жертвы. Ведь его ученый герой верит, что и в самом деле совершил первородный грех. Его связи с человечеством оказываются разрушенными вследствие утраты важнейшего звена – документа об образовании. Теперь он выпал из общего правила, и его засасывает некое подобие черной дыры. Правда, по воле автора затем он вновь воскресает, вызванный к жизни чем-то вроде первичного взрыва навыворот. И вот он завален грудой фальшивых аттестатов на свое имя, и несусветно знаменит, и его домогаются все наперебой. Он предстает перед нами в обличье апостола новой сексуальности, в которой нет места ни страсти, ни стыду, ни подавленному желанию. Егор Гран окунает своего паяца из поруби прямо в кипяток. По мановению авторской палочки герой, намертво скованный условностями, вдруг совершенно освобождается от них.

Автора одушевляло стремление создать насквозь оригинальное произведение, которое не дает читателю передышки. Оно написано так, что невозможно и предположить, с чем мы встретимся в следующей фразе. Инженер Гран расчел все до миллиметра и возвел свою пессимистическую басню, затянув нас в ее роковые хитросплетения. И мы уже готовы поверить в высокую ценность жалкой бумажки. Это удается нашему инженеру-строителю только потому, что напряжение в его романе ежесекундно чревато взрывом – подобно атому в условиях сверхвысоких давлений. По словам самого Егора Грана, это с его стороны всего лишь попытка проиллюстрировать собственное определение литературы как *«единственного способа, найденного человеком, чтобы преодолеть скорость света»*. Согласитесь, это совсем недурно для сочинения на аттестат зрелости. Во всяком случае Егор Гран сдал свой вступительный экзамен в литературу. И принят с оценкой «отлично». ■

Перевод с французского

Елены АФАНАСЬЕВОЙ и Натальи РУБИНШТЕЙН

Без гнева и пристрастия (Тацит)

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ
Редакция «Независимой газеты»
ИЗДАТЕЛЬ
ЗАО «Редакция «Независимой газеты»

Главный редактор
Виталий ТРЕТЬЯКОВ

РЕДАКЦИЯ
Заместители главного редактора:
Игорь ЗОТОВ, Борис КАУФМАН
Евгений ШПАКОВ, Аркадий ХАНЦЕВИЧ, Николай ЕФИМОВ
Объединенная редакция информации: Аркадий ХАНЦЕВИЧ
Отдел оперативной информации: Николай УЛЬЯНОВ
Отдел региональной корсети: Захар ВИНОГРАДОВ
Отдел политики: Татьяна КОШКАРЕВА
Отдел республик, информационное агентство «НЕГА»: Алан КАСАЕВ
Отдел экономики: Рустам НАРЗИКУЛОВ
Отдел международной жизни: Дмитрий КОСЫРЕВ
Отдел культуры: Григорий ЗАСЛАВСКИЙ
Отдел «Идеи и люди»: Алла ХЕМЛИН
Отдел «Стиль жизни»: Олег ДАВЫДОВ
Отдел фотоиллюстраций: Венера ЧЕРЕПИНА
Ведущие постоянных рубрик: Надежда АЖГИХИНА («Женщины»), Антонина КРЮКОВА («Телевидение»), Рустам РАХМАТУЛЛИН («Архитектура»), Алла ХЕМЛИН («Полемика»), Олег ДАВЫДОВ («Почта»), Виктория ШОХИНА («Русский язык»)
Ответственные редакторы приложений: Вадим СОЛОВЬЕВ («НВО»), Игорь ЗОТОВ («Ex libris НГ»), Алла ХЕМЛИН («НГ-сценарии»), Максим ШЕВЧЕНКО («НГ-религии»), Андрей ВАГАНОВ («НГ-наука»), Аркадий ХАНЦЕВИЧ («НГ-регионы»), Виктория ШОХИНА («Кулиса НГ»), Алан КАСАЕВ («Содружество НГ»), Дмитрий БУТКЕВИЧ («Коллекция НГ»), Рустам НАРЗИКУЛОВ («НГ-политэкономия»), Олег ДАВЫДОВ («Фигуры и лица»)
Секретариат: Николай ЕФИМОВ (ответственный секретарь), Раиса ВАСИЛЬЕВА, Людмила ПАКАЕВА, Юрий БЕЛОВ, Владимир ЗАХАРИН, Александр СТАРИКОВ
Агентство «НГ-фото»: Борис КАУФМАН
Административная дирекция: Евгений ШПАКОВ
Канцелярия: Лидия ЕРОФЕЕВА
Отдел международных связей: Олег ДЕЙНЕКО
Газета «Nezavisimaya/The Independent»: Андрей БЕЗРУЧЕНКО,
Отдел книгоизданий: Ольга МОРОЗОВА
Компьютерный центр: Дмитрий ВАСИЛЬЕВ
Агентство PR и рекламы «Independent»: Евгений ШПАКОВ

Автор макета: Михаил ШУЛЬМАН

Объединенная финансово-коммерческая дирекция:
Вадим КУЗЬМИН, генеральный директор ОФКД
Мария ФЕОКТИСТОВА, Светлана СТАБРОВСКАЯ, Александр МАРТИНЕС-ПУЭРТА, Валерий БУРМИСТРОВ, Николай ЦВЕТКОВ, Виктор ОТДЕЛЬНОВ, Геннадий ЕРОФЕЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, 101000, ГСП, Мясницкая, 13.
Телефоны: справки 928-48-50; распространение 925-31-80
Заказы на публикацию рекламы: 925-17-40
Справки по опубликованным материалам: 925-55-43
Представительство редакции в Интернете поддерживается сетью ГЛАСНЕТ на адресе http://www.glasnet.ru/ng
E-mail info@ng.glasnet.ru
Редакция не располагает возможностями вести частную переписку, давать юридические консультации и выступать ходатаем в официальных учреждениях, а также рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы

РЕДАКТОР НОМЕРА Алан КАСАЕВ
Дежурный зам. отв. секретаря Владимир ЗАХАРИН

Тир. 48 648 Зак. № 2361
Газета подготовлена к печати в компьютерном центре «Независимой газеты».
Выходит пять раз в неделю (кроме понедельника и воскресенья), печатается в ППО «Известия».
Москва, Пушкинская пл., 5.
Розничное распространение в Московском метрополитене — Агентство «Метропресс»
Цена договорная
Индекс 50089
© «Независимая газета» с приложениями
Газета зарегистрирована в Мин. печати и информации РФ. Рег. № 27 от 04.11.93
Перепечатка за рубежом допускается по соглашению с редакцией.
Ссылка на «НГ» обязательна.
Номер подписан в 18.00

Собрания

О Брехте, Пастернаке, Шаляпине...

ВЕЧЕР, посвященный 108-летию со дня рождения Бориса Пастернака, состоится 11 февраля (18.00) в Доме-музее Марины Цветаевой (Борисоглебский пер., 6). Участвуют Евгений Борисович Пастернак – сын поэта, Елена Владимировна Пастернак. Будут представлены книги Евгения Пастернака «Б.Пастернак. Биография», «Существованья ткань сквозная», а также «Переписка Б.Пастернака с Евгенией Пастернак». Ведет вечер Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Музыку Шопена, Скрябина и Пастернака исполнит пианист Владимир Овчинников.

Вечер к 100-летию со дня рождения известного немецкого режиссера и писателя Бертольда Брехта состоится 12 февраля (18.30) в Музее В.Маяковского (Лубянский пр-д, 3/6). Участвуют кинорежиссер Борис Бланк, артисты, литературоведы, музыканты Москвы. В музее немного ранее – 9 февраля (19.00) – будет исполнен Л.Панченко и В.Куприяновым спектакль «Два рассказа И.Бунина».

«Муза дальних странствий» – моноспектакль по рассказам и дневникам Константина Паустовского пройдет 6 февраля 14.30 в исполнении артиста Бориса Бурляева в Бахрушинском театральном музее (Бахрушина, 31/12). В этот же день 6 февраля в 18.30 – вечер «В поисках утраченного достоинства», посвященный 70-летию со дня рождения поэта, прозаика и драматурга Марка Сергеева (исполнитель – поэт и композитор Михаил Кукулевич). К 125-летию со дня рождения великого оперного артиста Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938) организована 13 февраля (14.30) лекция-концерт с использованием уникальных архивных звукозаписей.

Насыщенная программа как всегда в Центральном Доме журналиста (Никитский бульвар, 8а). Здесь 6 февраля (14.30) – «Неизвестное об известном: к 55-летию Сталинградской битвы. Советские и немецкие летчики-асы в битве за Сталинград». В этот же день в 19.00 – презентация альбома «Челленджер» Андрея Климковского (синтезатор). Литературно-музыкальная композиция «Пушкин и Моцарт» в исполнении артиста Валерия Токарева и пианистки Наталии Гавриловой – 7 февраля (15.00). Прокофьева, Скрябина, Брамса исполнит пианист Айк Бейлерян 9 февраля (19.00). О «Предупреждениях древних египтян» 11 февраля (18.00) в ЦДЖ поведают авторы приглашенного на вечер журнала «Дельфис». И, наконец, 12 февраля (18.30) – литературно-музыкальный салон «Чистый четверг» Наталии Горденко.

Творческий вечер барда Михаила Щербакова состоится 6 февраля (19.00) в Политехническом музее (Новая пл., 3/4). Здесь же 10 февраля (19.00) Дмитрий Швед ведет вечер «Романсы XXI века» с участием звезды этого жанра Аллы Баяновой и вокального трио «Реликт». А 11 февраля (19.00) – первый выход после возвращения из Израиля артиста Валентина Никулина в музыкально-поэтическом спектакле «Друзей моих прекрасные черты».

Цикл вечеров-лекций «Толстой среди русских писателей» откроется 8 февраля (14.30) темой «Пушкин и Толстой» в Музее Л.Н.Толстого (Пречистенка, 11).

«Солисты Москвы» под руководством Юрия Башмета 6 февраля в 15.00 исполнят камерную музыку Гайдна, Хоффмайстера, Брамса, Хиндемита в концертно-выставочным зале в Гагаринском переулке, д.4. На следующий день – 7 февраля (18.00) – вечер «Поэзия Пушкина в музыке» в исполнении Зинаиды Тахиаровой (меццо-сопрано) и Давида Лернера (ф-но). Здесь 10 февраля (19.00) – концерт вокального ансамбля им. Андрея Рублева.

Камерная музыка Баха, Равеля и Чайковского прозвучит 10 февраля (18.00) в исполнении Аллы Васильевой (виолончель) и Василисы Беловой (ф-но) в выставочном зале «Феникс» ((Кутузовский пр-т, 3).

«Ностальгия по любви» – песни в стиле ретро 6 февраля (18.30) прозвучат в культурном центре «Преодоление» (Ямская, 14) в исполнении группы «Ритм» Аллы Кобзевой. Композиторы – Борис Пастернак. «Времена года» 8 февраля (16.00) представит артист Борис Бурляев. «Пушкин в музыке Георгия Свиридова» – тема вечера 11 февраля в 18.30 Лады Каменской и Галины Пикулевой.

Алита ГАТУЕВА

Выставки

Полтора века русской реалистической живописи

ЮБИЛЕЙНАЯ выставка к 150-летию со дня рождения великого русского художника Василия Ивановича Сурикова (1848–1916) открывается 11 февраля в Инженерном корпусе Третьяковской галереи. На этой грандиозной выставке представлено более 120 акварелей и 60 живописных работ – портреты, пейзажи, эскизы – из собрания музеев Москвы, Киева, Красноярска, Петербурга. Выставка проработает до 5 апреля.

Выставка студенческих работ 1989–1998 годов из фондов Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова откроется 5 февраля в выставочном зале «Тушино» (Б-р Яна Райниса, 19/1). Представлены живописные работы, рисунок, скульптура. Выставка проработает до 8 марта. В эти же сроки там же – «Москва Владимира Алексеевича Гиляровского» (к 145-летию со дня рождения писателя) московской художницы Елены Абаренковой. Искусствовед, художница, писатель, автор книг «Подвижники искусства» и «Чудодеи» представит графические архитектурные пейзажи, посвященные любимым уголкам Москвы.

«Востокозапад. Роза разных ветров» Марины Кастальской и Леонида Пелиха с 5 по 22 февраля открыта в залах №22–27 Центрального Дома художника (Крымский вал, 10). Это огромные абстрактные триптихи, своеобразная «монументальная графика». Выставка «Цветной офорт» художников Сергея Миклашевича, Ольги Тучиной, Владимира Басманова и Александра Шубина (Москва–Владимир–Калуга) открывается 10 февраля в зале №15 ЦДХ и проработает до 1 марта.

Выставка Александра Виноградова и Владимира Дубоссарского откроется 12 февраля в галерее Марата Гельмана (М.Полянка, 7/7, строение 5) и продлится около двух недель.

«Плохую обувь в хорошие руки» – выставка с таким веселым названием откроется 4 февраля в галерее наивного искусства «ДАР» (Малая Полянка, 7/7, стр.5), она проводится совместно с журналом «Step». Это объекты из плохой развалившейся обуви, которую «переосмыслили» около 20 московских художников – Александр Пономарев, Сергей Шутов, Мария Константинова, Наталья Турнова, Александр Орлов, Юрий Хоровский, Митьки и др. Выставка открыта до 14 февраля.

«Облачная комиссия. Великий ничей» Сергея Ануфриева, Аркадия Насонова и Ивана Дмитриева открывается 11 февраля в L-галерее (Октябрьская, 26). Это живопись и фотографии (в том числе не вошедшие в фильм «Белое солнце пустыни»). Выставка работает до 1 марта.

Персональная выставка Натальи Толстой (живопись, графика, вышивка) открывается 7 февраля в галерее «Сегодня» (Б.Никитская, 46). Представлены «белая», «красная» и «черная» серии традиционно монохромных работ. Выставка продлится до 25 февраля.

«Владивосток в Москве» – выставка семи художников из Владивостока пройдет с 12 февраля по 1 марта в галерее А-3 (Старо-конюшенный пер., 39).

Персональная выставка живописи Игоря Овасапова до 15 февраля открыта в галерее «Интер-колор» (Чехова, 24/2).

Ника УЛЬЯНОВА

Телевидение

Пятница

6 ФЕВРАЛЯ

КАНАЛ ОРТ

6.00 Доброе утро. 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 0.35 Новости. 9.15, 18.20 «Роковое наследство». **10.05 Клуб путешественников.** 10.55 Смак. 11.15 Домашняя библиотека. 11.25 Играй, гармонь любимая! 12.15 Вместе. 13.05 «Семнадцать мгновений весны». 14.30 «Каскадеры. Мир трюков». 15.20 «Повелитель слонов». Худ. фильм. 16.55 Улица Сезам. 17.25 50 х 50. 19.15 Здоровье. 19.45 Поле чудес. 20.45 Спокойной ночи, малыши! 21.00 Время. **21.40 «Наперегонки со смертью». Худ. фильм. 23.50 Взгляд.** 0.50 «Савой». Худ. фильм.

КАНАЛ «РОССИЯ»

7.00 «Дом, который построил Джек». Мультфильм. 7.30, 11.00, 14.00, 17.00, 20.00, 23.30 Вести. 8.00, 23.55 Дежурная часть. 8.20 Мир здоровья. 8.30 Деньги. 8.45 Графоман. 8.55 Православный календарь. **9.00 Красная книга.** 9.30 «Да, господин министр». 10.05, 20.45 «Санта-Барбара». 11.30, 22.20 «Графиня де Монсоро». **12.30 «Старая квартира. Год 1964-й».** 13.30 У всех на устах. 14.35 «Крокодилы». Худ. фильм. 16.20, 0.10 Мой Пушкин. 16.30 «Маленький бродяга». 17.30 Кроссворд. 18.05 История одного события. **18.15 «Белый Бим Черное Ухо».** 20.30 Подробности. 21.45 «Маски на необитаемом острове». **0.15 «XX век: Майя Плисецкая и Пьер Карден».**

ТВ-ЦЕНТР, МОСКОВИЯ

5.50, 7.15 Навигатор. 7.00 Москвия. 7.10 Русский календарь. 8.50 «Чистый город». 9.00, 18.15 Деловая Москва. 9.25 «Ложь во спасение». (В перерыве – 9.55 Новости.) 10.20 Здоровье не купишь. 10.45 Комильфо. 10.55 Особая папка. **11.10 «Семнадцать мгновений весны» (В перерыве – 11.55 Новости).** 12.40 Помимо прочего. 12.45, 0.10 Петровка, 38. **13.00 «Профессия – киноактер».** (В перерыве – 13.55 Новости.) 14.45, 15.55, 16.55, 17.30, 20.55, 0.40 Новости. 15.00 «Украденная любовь». 16.00 Деловая Московия. 16.30 «Однажды у нас вырастут крылья». 17.40 Экспо-новости. 17.50 «Дети Хендерсонов». 18.30 Губернские известия. 18.40 Служба обратной связи. 18.45 Культпоход. 18.55 Деловой экспресс. 19.00 «Я люблю». Худ. фильм. 19.30 «Большое автомобильное путешествие». 19.50 «Семнадцать мгновений весны». 21.20 Аркадий Райкин. 21.55 Вечерние новости. 22.15 На самом деле. 22.30 «Орел или решка». Худ. фильм. 23.30 Времечко. 0.00 Пресс-экспресс. 0.25 «Женский день». Худ. фильм. 2.00 Помимо прочего.

КАНАЛ НТВ

6.00, 6.30, 7.00, 7.30, 8.00, 8.30, 9.00, 10.00 Сегодня утром. 6.15, 7.15, 8.10 Спорт. 6.20, 8.45, 18.20 Криминал. 8.20, 18.10 Впрок. 9.05, 22.50 «Невероятный неуклюжий». 10.15 «Дым Отечества». 12.00, 14.00, 16.00 Сегодня днем. 12.20 «Визит к Минотавру». 13.30 Время «Ч». 14.20 «Место преступления». 16.20 Устами младенца. 16.50 «Любовь и тайны Сансет Бич». 17.40 «Когда государство убивает». 18.35 Футбольный клуб. 19.00, 22.00 Сегодня вечером. **19.40 Герой дня.** 20.00 «Сувенир для прокурора». 23.40 Сегоднячко. 0.00 В полночь с Александром Герасимовым. 0.30 Империя страсти. **1.10 «Неожиданный ад». Худ. фильм.**

ТВ-6, МОСКВА

8.30, 18.10, 0.15 Дорожный патруль. 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 0.05 ТСН-6. 9.10 Сделай шаг. 10.00 Звезды о звездах. 10.40, 20.00 «Завилон 5». 12.10 «Рейд на Энтебе». **15.10 «Жажда». Худ. фильм.** 17.05 «Затерянный мир». 18.25 Шоу Бенни Хилла. 18.50 «Мамочки». 19.25 Назло рекордам. 21.00 Новости дня. 21.30 «Пираты XX века». 23.10 Обоз. 1.40 Дрема.

КАНАЛ «КУЛЬТУРА»

12.35 «Царская милость». Спектакль. 14.00, 20.30, 0.00 Новости культуры. **14.20 Культура городов мира.** 14.30 Мастера. 15.15 «З.Соткилава представляет...» 15.45 Время книг. 16.00, 18.00 Новости. 16.05 «Челленджерс». 16.30 Путешествие во времени. 17.45 Киберкультура. 17.25 Лукоморье. 18.05 Музыка из Петербурга. 18.45 Ваанград. 19.00 «Вечер с...» В. Полунин. 20.20 «Чудо-сказка». **20.50 «Война и мир». Худ. фильм.** 22.20 «Ираклий Андроников рассказывает...» 23.40 Ночной гость.

31-й КАНАЛ

7.00, 19.30 Городские новости. 7.30 Музкан. 8.00 Время деловых людей. 8.45, 18.15 «Умереть дважды». 9.55, 17.00 «Летающие доктора-2». 10.55 Чрезвычайный и Полномочный Посол. **11.15 «Акоп Овнатанян». 11.45 «Тени забытых предков». Худ. фильм.** 13.55 «Тьма». Худ. фильм. 15.15 «Сюжеты о Китае». Док. фильм. 16.00 «Приключения Тэнтэна». 19.45 «Вам и не снилось». Худ. фильм. 21.40 «С любовью спешить не стоит». Худ. фильм. 23.40 Загадки древних таинств. 23.50 Хит-парад 31. 0.40 «Опасное прикосновение». Худ. фильм.

РЕН-ТВ

13.00 «Лабиринт». 14.00 Новости РЕН-ТВ. 14.15 TV-Shop 14.45 «Игра без козырей», 2-я серия. 16.15 Еще не вечер. 16.30 «Наследница». 17.30 «Девушки-соседки». 18.00 Ваш адвокат. 18.15 «Союзмультфильму» – 60: «Сказка». 18.30 «Элен и ребята». 19.00 Новости РЕН-ТВ. 19.15 «Дерзкие и красивые». 19.45 Спорт-курьер. 20.00 «Такси». 20.30 За и против. 21.00 Мешанина. 21.05 «Союзмультфильму» – 60: «Упрямое тесто», «Салют, Олимпиада!» 21.30 Что случилось. Итоговая программа А. Иллеша. 22.00 Народный фильм. «Три плюс два». 23.45 Новости РЕН-ТВ. 0.00 Спорт-курьер. 0.10 Конюшня Роста. 0.40 «Возбуждение».

СТС

8.30, 9.00, 9.30, 10.00, 15.30, 16.00, 17.00 Мультфильмы. 10.30, 18.00 «Беверли-Хиллз 90210». 11.30, 20.00 «Мелроуз Плейс». 12.30, 21.00 «Даллас». 14.00 «Зеленые просторы». 14.30 «Красавица и чудовище». 17.30, 0.00 «Странная семейка». 19.30 Чартшоу. 22.00 «Странное везение». 23.00 Час совы.

СЕГОДНЯ ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ ОЧЕРЕДНОЙ НОМЕР «НЕЗАВИСИМОГО ВОЕННОГО ОБОЗРЕНИЯ» – ЕЖЕНЕДЕЛЬНОГО ПРИЛОЖЕНИЯ К «НГ». В ЭТОМ ВЫПУСКЕ ЧИТАЙТЕ:

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СНГ ДОЛЖНЫ РЕШАТЬ ПОЛИТИКИ

КИРГИЗИЯ СОЗДАЕТ АРМИЮ

В ГОСДУМЕ НЕ ВИДЯТ ПРОБЛЕМ ВОЕННЫХ

БЕССЛАВНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ИНЖЕНЕРА КУРЧЕВСКОГО

РАБОТА РОССИЙСКИХ СНЕЦСЛУЖБ ИЗНУТРИ

АРМИЯ ВНОВЬ СТАЛА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ

СПРАШИВАЙТЕ «НВО» В КИОСКАХ И НА ЛОТКАХ АГЕНТСТВА «МЕТРОПРЕСС»

«НГ» В СУББОТУ

РОССИЙСКИЕ МИРОТВОРЦЫ УХОДЯТ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА?

Выходит с приложением «Коллекция НГ»

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

Города	7 февраля		Города	7 февраля	
	t_{max}	погода		t_{max}	погода
Архангельск	-27	без осадков	Н. Новгород	-11	снег, метель
Владивосток	-2	снег	Новосибирск	-15	без осадков
Вологда	-23	без осадков	Омск	-12	снег
Екатеринбург	-19	снег	Петропавловск-Камчатский	-3	снег, метель
Иркутск	-14	без осадков	Ростов-на-Дону	0	осадки
Красноярск	-8	снег	Самара	-7	снег
Курск	-10	снег	Улан-Удэ	-14	без осадков
Магадан	-12	без осадков	Хабаровск	-12	снег
Мурманск	-18	без осадков	Ю.-Сахалинск	-9	без осадков
Астана	-10	снег	Киев	-3	без осадков
Ашхабад	+15	без осадков	Кишинев	+2	без осадков
Баку	+6	без осадков	Минск	-3	снег
Бишкек	-1	без осадков	Рига	-4	снег
Вильнюс	0	осадки	Таллин	-10	без осадков
Душанбе	+12	без осадков	Ташкент	+14	без осадков
Ереван	+5	без осадков	Тбилиси	+7	осадки

Прогноз погоды по Москве и С.-Петербургу на 7 и 8 февраля

В С.-Петербурге 7 февраля преимущественно без осадков. Температура ночью от -15 до -20°, в пригороде до -30°; днем от -12 до -17°.

8 февраля ночью без осадков, температура от -17 до -22°. Днем небольшой снег, слабая метель, температура от -7 до -12°.

В Москве 7 февраля ночью небольшой снег, температура от -19 до -21°. Днем без осадков, температура от -14 до -16°. Ветер восточный. 8 февраля без осадков. Температура ночью от -24 до -26°, днем от -14 до -16°. Ветер восточный.

© Федеральная служба России по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды